

Глава 8. Развитие государственности в Европе и Азии

Среди всех глубоких перемен в историческом развитии человечества, едва ли не самая важная – это переход к государству. Государство было и остается стержнем жизни общества, а история со времен появления первых государств – как бы ни расширились наши знания о прошлом – это, в первую очередь, история государств и правителей, войн и политики. Появление государственности также резко ускорило ход социальной эволюции.

В главе 4 мы говорили, что на пути к ранним государствам социальная эволюция двигалась не одним, а многими путями, все из которых были направлены на поиск способов усложнения обществ в условиях роста населения, контактов и прибавочного продукта. Усложнились разные сферы жизни. Но даже усложнение политической сферы шло разными путями. И мы упоминали, что нами выработана концепция раннего государства и его аналогов.

1. Образование государства. Альтернативы государствовоенезу

Образование государства. Альтернативы государствовоенезу. Вопрос о происхождении государства остается одним из самых спорных вот уже более двух веков. Но попутно стоит отметить, что едва ли не основная причина этому, помимо самой сложности проблемы, попытки представить путь к государству как однолинейный. Другая причина в том, что далеко не все выделяют в качестве особой стадии незрелые, или **ранние (архаические)**, государства. Поэтому они стремятся увидеть в незрелых государствах уже ярко выраженные черты государственности, которые возникают на гораздо более поздних уровнях развития социальной эволюции. Между тем, очень важно понимать, что ранние государства – хотя и, безусловно, уже государства, но они не обладают всеми признаками привычных нам государств и частично сохраняют до- или негосударственные институты. При этом большинство из ранних государств так и не смогли стать развитыми, что демонстрирует важнейший закон эволюции – переход на новый качественный уровень всегда результат складывания особых условий, он ни в коем случае не запрограммирован, только меньшинство наиболее удачных способно перейти на новый уровень.

К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что государство образуется как особый аппарат насилия для защиты интересов экономически господствующего класса и для подавления эксплуатируемого класса. Но такой путь появления государства если и имел место, то редко. Тем не менее, эта теория до сих пор поддерживается некоторыми отечественными учеными. Некоторые зарубежные обществоведы, например М. Фрид, Л. Крадер (Krader 1978), также разделяли подобные идеи (так называемая конфликтная теория происхождения государства), хотя, конечно, в существенно измененном виде. В частности, Мортон Фрид полагал, что причина образования государства – длительный процесс расслоения общества и усилившаяся борьба за контроль и распределение ресурсов (Fried 1967a; 1978). В настоящий момент еще популярны следующие теории появления государства: производственная (например: Wittfogel 1957), торговая (например: Ekholm 1977; Webb 1975), военная (Carneiro 1970; 1978; 2000a; 2002, 2012a, 2012b)¹. Все они имеют свои

¹ См. также: Naas 1995. Имеет своих сторонников и теория Э. Сервиса (Service 1962; 1975), который считал, что в конечном счете к государству ведут возрастающие организационно-хозяйственные функции власти и, таким образом, «исток государственной власти уходят в институционализацию централизованного управ-

уязвимые места (подробнее см. Гринин 2011; Grinin 2003, 2004; Grinin et al. 2004; Grinin, Korotayev 2012). Многие ученые справедливо считают, что к государству ведет множество путей (см. об этом, например: Годинер 1991), справедливо склоняясь к тому, что такой сложный процесс не мог идти однотипно и что обычно имела место комбинация различных факторов (производственная необходимость, конфликт социальных слоев, война и другое). Но такой подход страдает эклектичностью. Теория аналогов раннего государства позволяет подвести под этот важнейший эволюционный процесс теоретическую базу, не сводя эволюционные пути к одному единственному.

Мы пришли к выводу, что переход к государству облегчается серьезными отклонениями от привычной ситуации, такими как прекращение изоляции, возникновение реальной угрозы обществу или части населения, резкое увеличение роли торговли, внутренние конфликты и т. д. Все это может служить толчком для существенных изменений в управлении и политическом устройстве. Но я также считаю, что среди факторов такого резкого изменения жизненных условий война, завоевание или опасность быть завоеванным, несомненно, занимают первое место. Все связанное с военной деятельностью может служить толчком для стейтогенеза. Например, ввоз или заимствование более современного оружия. Так, ввоз огнестрельного оружия послужил важной причиной образования некоторых государств на Мадагаскаре в XVII в. (Дешан 1984: 353; Ратцель 1902, т. 1: 445). В этом плане также показательным мнением Т. Ёрла, который считает, что «гавайские вождества могли бы стать государствами. Для этого были необходимы лишь небольшие технические нововведения. Гавайские вожди знали, что им нужно, и быстро осознали ценность европейского оружия» (Ёрл 2002: 86; курсив мой. – Л. Г.; о том, как сложные гавайские общества превратились в раннее государство см. Grinin 2019).

Итак, догосударственные политии, объединяясь, могли прямо перерасти в ранние государства. Однако порой они развивались, в них появлялись знать, имущественное неравенство, рабы и неполноправные, но государством они не становились, так как не имели некоторых политических институтов (например, крепкой центральной власти, или аппарата управления, или чего-то другого). Такие негосударственные общества, которые можно сравнить с государством по сложности и выполняемым функциям, названы нами, как помнит читатель, **аналогами раннего государства** (примерами могут служить Скифская полития в VII–V вв. до н. э., галльские политии до I в. н. э. и многие другие. См.: Гринин 2010; см. также: Гринин, Коротаев 2009: Экскурс 5; Grinin 2003; 2009с).

Некоторые из этих аналогов так никогда и не стали государством. Другие превратились в него, но уже на достаточно высоком уровне развития, поэтому они перешли сразу к крупному государству (а не к малому или среднему по размерам).

Достаточно общепризнано, что догосударственное общество для своего превращения в государство должно обладать определенной численностью населения, необходимой социокультурной сложностью и возможностью производить значительное количество прибавочного продукта. Однако бывает, что социумы существенно переходят указанный уровень сложности и объемов, но не образуют государства. Известно немало таких исторических и этнографических негосударственных обществ, не уступавших раннегосударственным по размерам территории, численности населения, социокультурной и/или политической сложности (их описание будет представлено в главе). Таким образом, во многих случаях раннее государство не возникало.

Признание этого факта ставит очень сложную теоретическую проблему: к какому типу политий относятся общества, которые не стали государством в результате того, что

ления» (1975: XII). Дело в том, что в результате усложнения хозяйственных и иных функций власти правители и управляемые взаимно все более нуждались в услугах друг друга. А поскольку и те и другие имели выгоду от усиления власти (хотя, конечно, подданные платили за это высокую цену), постепенно происходит усложнение управления и образование государства.

не совпали необходимые условия? Ведь многие из этих политий не застыли на месте, а развивались, но только своим, особым путем. В результате они нередко образовывали особые социально-политические типы обществ, которые, не являясь государствами, в то же время значительно превосходили по сложности и размерам типичные догосударственные образования, такие, как простые вожества, независимые общины и кланы. К тому же эти сложные общества часто решали сходные с го-сударством задачи и были вполне сравнимы с ранними государствами в размерах и уровне структурной сложности. К какому же типу политий они должны относиться? Ведь в сравнении с бесспорно до-государственными социумами (такими как, например, простые вожества, см. главу 3) они не только намного крупнее, но и намного сложнее. В определенном смысле их мож-но считать находящимися на одном уровне социокультурного развития с раннегосудар-ственными обществами. И поскольку и в тех и в других обществах решались аналогич-ные проблемы и задачи, указанные сложные негосударственные общества объединены нами понятием аналогичного раннего государства.

Таким образом, многочисленные исследования все очевиднее демонстрируют, что существовало большое разнообразие как путей движения к государственности, так и са-мих типов архаических государств. Во многих случаях переход к ней происходил с более высокого уровня сложности, чем предполагают привычные однолинейные схемы. Мало того, выявлены также направления эволюции обществ, которые не вели к государству вовсе.

Все это усложняется тем, что по-прежнему нет единства среди ученых по вопросу, какую политику считать ранним государством, а какую зрелым, и что такое вообще госу-дарство; так же, как нет общего мнения, какая численность населения и какой уровень социокультурной сложности отделяют догосударственные общества от раннегосудар-ственных. Большие расхождения существуют и по поводу критериев государственности. Современные исследователи выделяют различное число признаков, которые могут сви-детельствовать об отличии государства от предшествующих форм, однако мало кто настаивает на универсальных показателях. В частности, не являются универсальными такие, как строительство крупных монументальных сооружений; появление городов и письменности; численность и плотность населения; наличие классовой эксплуатации; монополия на законное применение силы и другие. Да и само понятие раннего государ-ства не является общепринятым.

В настоящей главе показывается, что многолинейность и альтернативность социаль-ной эволюции, выражается в том числе в многообразии путей к государству, с одной стороны, и в наличии наряду с ранними государствами их альтернатив и аналогов. Альтернативность процесса формирования государства, однако, связана не только с его соб-ственной сложностью, поскольку альтернативность вообще – это явление, которое со-провождает социальную эволюцию на всем ее протяжении. Все это убедительно под-тверждает как многообразие путей к государственности, которое может осуществляться с разного уровня сложности.

Один из важных выводов, которые будет представлен в главе следующей. Хотя и правильно считать государство неизбежным результатом эволюции, однако это утвер-ждение верно только в самом общем плане: как итог длительной конкуренции разных форм, их гибели, трансформаций, социального отбора, адаптации к разнообразным эко-логическим условиям и т. п. Другими словами, это верно в целом для истории, как она сложилась. Но для каждого общества в отдельности государство не было неизбежным.

Ведь государство являлось не только совершенно новым решением проблем, встав-ших перед усложнившимися обществами, но и путем, который означал разрыв со мно-гими прежними отношениями и традициями. А сделать это было достаточно трудно и не всегда возможно. Поэтому-то многие общества и шли «собственной» дорогой, которая,

однако, часто вела к иным результатам, например, свехусложнению родственных отношений и образованию аристократического сословия привилегированных родов и родственных линий (см. главу 8); усложнению горизонтальных (вместо вертикальных иерархических) связей; жесткому закреплению профессиональных, этнических и социальных различий (кастовая система); созданию конфедераций племен или городов без сильной центральной власти и т. д. (см. также главу 2 этой монографии). При этом выбор направления развития всегда связан со многими конкретно-историческими причинами. Поэтому в каждом конкретном случае в зависимости от географических условий, особенностей общества, исторического периода и многого другого переход к государству разными обществами осуществлялся с очень разных уровней развития и сложности.

Мы пришли к выводу, что можно говорить о двух принципиальных моделях перехода к государству. **Первая модель** – когда государства образовывались, так сказать, «вертикально», то есть от догосударственных обществ сразу к государственным. Чаще такое превращение шло на уровне маленьких государств, как это, например, произошло с уже упоминавшимся бецилеу на острове Мадагаскар в XVII в. (Kottak 1980; Claessen 2000b, 2004). Много примеров в этом плане может дать Древняя Греция, где вынужденное переселение людей из мелких населенных пунктов в один для защиты от военных действий или пиратов был очень распространено и получило название синойкизма (см.: Глускина 1983а: 36; Фролов 1986: 44; Андреев 1979: 20–21). Но могли быть случаи, когда «вертикальным» путем образовывались сразу крупные государства, как это произошло у зулу-сов, организовавших на юге Африки в начале XIX в. при вожде, затем «императоре» Чаке всего за несколько десятилетий весьма крупное государство из разрозненных небольших вожеств (Бюттнер 1981: 184; Риттер 1968; Gluckman 1987[1940]).

Вторая модель (очень распространенная) – когда государства образовывались «горизонтально». Он связан с тем, что сначала догосударственные общества переходят на новую стадию развития, но только в форме аналогов раннего государства. А уже потом сам аналог трансформируется в государство. Примерами являются гавайские вожества, Скифская полития. Мы не знаем точно, как образовались самые первые государства (в Египте, Месопотамии и других местах). Я склонен думать, что для них был характерен именно горизонтальный путь стейтогенеза, то есть здесь сначала возникли какие-то аналоги, а затем уже они трансформировались в государства. Самые первые формы обычно возникают с более высокого уровня, чем вторичные, это компенсирует отсутствие исторически опробованных моделей и опыта (Гринин 2001–2006).

Война сыграла важную роль в процессе политогенеза и особенно государствогенеза. Однако, считается, и не без основания, что при образовании первичных государств роль войн была меньше, поскольку очень важной являлась хозяйственная роль высшей власти, хотя есть и другие мнения. Самые ранние государства образовались в местах наиболее удачных для получения высокой нормы прибавочного продукта, быстрого роста населения и аккумуляции богатства, война же в местах не столь изобильных позволяла аккумулировать богатства путем насилия, но в плодородных местах это не всегда требовалось. Тем не менее, мы предполагаем, что и в междуречье первоначально образовались не собственно ранние государства, а их аналоги. А затем уже в процессе соперничества они трансформировались в ранние государства. Таким образом, и постоянные войны за соперничество между мелкими политиями в долинах Нила или Тигра и Евфрата, несомненно, сыграли очень важную роль в превращении их в ранние государства (см., например: Прусаков 1999: 62)². В дальнейшей истории, по мнению многих ученых, роль войн в процессе формирования государств стала еще большей.

² В таком смысле можно истолковать и слова Томаса Холла: «Около семи тысяч лет назад началось развитие Мир-Систем вожеств. Эти системы имели более четко выраженную иерархию и, в определенной степени,

Варианты образования ранних государств. Как именно шел политогенез, не в последнюю очередь зависело от конкретных природных условий и типа хозяйства. Но несомненно, что для возникновения первичных государств как совершенно нового феномена требовались исключительные условия, в том числе и небывалые до того времени возможности по производству и отчуждению прибавочного продукта. Впервые этого удалось достичь на базе интенсивного ирригационного земледелия³. И этот момент с точки зрения социальной эволюции исключительно важен. В главе 1 мы говорили о правиле исключительных условия для перехода к новому. Именно такие исключительные условия и сложились в районах первичного государствогенеза, и именно потому, что таких исключительных мест по определению было немного, известно всего шесть районов самостоятельного зарождения государства. При этом в Европе не было ни одного такого района (кроме, м.б. Крита, но и последний уже был не совсем самостоятельным), зато большинство таких мест оказалось на Востоке, именно они и сформировали древний Восток.

Вариантов перехода от кровнородственных и племенных к территориально-государственным образованиям было много, и процесс этот оказался непростым и долгим. Но в конце концов сформировалось то, что можно назвать **государственно-областным** тип политической организации обществ. Это название подчеркивает еще невысокую обычно степень централизации, административного порядка и единства правил для всей территории и существенные различия между частями государства. Провинции очень часто сохраняли явные следы прежней автономии. И даже крепкие централизованные государства нередко распадались.

Но указанный тип имел ряд подтипов. Государственно-племенной характерен для еще не зрелых (вроде державы ацтеков) или плохо централизованных государств типа Тюркского каганата (Гумилев 1993а; 1993б). Государственно-этнический подтип можно выделить для тех случаев, где сосуществовало множество мелких и мельчайших государств, как в Элладе. Имперский характерен для гигантских конгломератов разнородных областей и частей, внутренне непрочных, поскольку то от них отделялись покоренные народы, то переставала подчиняться администрация провинций, то не удавалось укротить родню повелителя или возникал династийный кризис, а с ним тяжелые смуты (Васильев 2000а: 19–25; Тюрин 2000). Некоторые более централизованные и административно более организованные государства (Египет, Китай) в отдельные периоды приближались к более чистому государственному подтипу.

Если же брать менее высокий тип абстракции, то можно говорить о разных типах ранних государств. В частности в первую очередь следует, конечно, выделить **бюрократический**. Государство третьей династии Ура (XXII–XXI вв. до н. э.) в Месопотамии является классическим образцом этого типа (Дьяконов 2000в: 64–65; Виткин 1968: 433–434). Многие африканские ранние государства являлись **сакральными** (см., например: Кочакова 1995). Можно выделить и тип **имперских небюрократических** государств (вроде ацтекского [Johnson and Earle 2000: 306]). Русь, Норвегия, Литва и другие страны являли пример **дружинного** государства, в котором могущество правителя «измерялось в первую очередь размерами его дружины» (Гуревич 1980: 131; см. также: 1970: 173; Петкевич 2006а: 310). Существовали военные государства различных подтипов. Напри-

разделение на центр и периферию. Конфликты между этими системами, а также их динамика дали начало первым государствам и данническим Мир-Системам, которые появились приблизительно пять тысяч лет назад» (Холл 2006: 446; см. также: Hall 2001).

³ Позднее иногда государства появлялись и на базе мотыжного земледелия, например в Африке. Но они бывали весьма непрочными и обычно так или иначе связаны с иными источниками богатства (торговлей, добычей золота и т. п.). (О роли географического фактора в политогенезе Тропической Африки см.: Дмитриевский 1998.)

мер, Спарту можно рассматривать как военное общинно-рабовладельческое государство (о ее военном характере см.: Finley 1983: 40). Можно говорить о **военно-торговых** государствах, в частности у кочевников (Хазария, Тюркский каганат) (см.: Плетнева 1987: 206–207; 1986; Шмурло 2000, 1: 38; Голден 2005: 28; Гумилев 1993а: 42), и даже просто о военных захватнических государствах, каковы, например, были Монгольская империя или Древняя Ассирия (Садаев 1979). Ряд средневековых государств Европы, ранняя Османская империя, равно как и ее предшественник в Малой Азии в XI–XIII вв. государство Сельджукидов, представляли собой **военно-служивые** (военно-феодалные) государства (см.: Петросян 1990: 91; Гордлевский 1941: 69; Строева 1978: 5–11; Иванов 1984; Еремеев, Мейер 1992). Некоторые **полисы Греции и Римскую республику** можно рассматривать как особые типы **раннего демократического** государства (см. также: Grinin 2008b⁴). Были и другие типы демократических государств, например республики в Древней Индии (Бонгард-Левин 1979; Бонгард-Левин, Ильин 1969: 91–94; Mishra P. and Mishra J. 2002).

Для периода аграрно-ремесленного принципа производства условно наиболее важным фактором можно считать соответствие формы государства типу хозяйства и утвердившемуся социальному (социально-идеологическому) порядку; способность обеспечить стабильность. Отсюда исключительное разнообразие размеров и политических форм. Государство становится своего рода «сепаратором» избыточного продукта, либо облегчая его концентрацию в руках определенных лиц и групп, либо делая это самостоятельно (чаще – комбинированно). Поэтому государство предполагает неравенство (эксплуатацию) либо по признаку близости к власти и аппарату, либо как способ защиты и институционализации другого неравенства административно-сило-вым (правовым) путем.

Развитие многих ранних государств тесно связано с урбанизацией (подробнее об этом в главе 11).

2. Неэволюционные и эволюционные государства

Для темы нашего исследования важно отметить, что когда форма раннего государства распространилась, среди этих политий также шла дифференциация на более и менее эволюционно перспективные (причем последних было явно меньше). Таким образом, эволюционный динамизм был свойствен далеко не всем ранним государствам. Ранние государства по их способности к развитию я разделил на три типа: а) неэволюционные; б) слабоэволюционные; в) эволюционные.

Неэволюционное государство развивается очень медленно. Причем неэволюционные государства еще могут трансформироваться в иные политические формы⁵. Примеров таких неэволюционных ранних государств, нередко достаточно крупных по территории и населению, много, особенно в Африке, что, без сомнения, тесно связано с их географическим положением, ограниченностью экологического и производственного потенциала, недостаточными возможностями создавать и хранить нужный объем прибавочного продукта⁶. При такой экологической и производственной базе часто было невозможным даже само образование государства (см., например, об обществах Восточной Тропической Африки накануне колонизации в XIX в.: Гиренко 1977: 84–86; Бочаров 1995). Однако, как мы уже говорили в главе 7, в случае прохождения по данной террито-

⁴ Некоторые исследователи, однако, рассматривают их как альтернативы государству (см., например: Штаерман 1989, 1990; Берент 2000; Коротаев, Крадин, Лынша 2000; Berent 1994, 2000a, 2000b, 2004; Korotayev *et al.* 2000).

⁵ См., например: Коротаев 2000а: 224–302; см. также статью Трепавлова с характерным названием «Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно» (Трепавлов 1995: 144–151).

⁶ В последнем отношении большие различия существовали между зерновым и клубнеплодным растениеводством.

рии основных торговых караванных путей возможность для образования государства появлялась (см.: Гиренко 1977: 86–87). Но далее эволюция все равно замедлялась или даже прекращалась.

Помимо географического положения было много иных, в том числе чисто исторических и культурных причин, которые порой «определяющим образом воздействуют на выявление эволюционного потенциала общества, пределов его эволюционного продвижения» (Бондаренко 1997: 15).

Таким образом, считаем важным подчеркнуть, что **эволюционные преимущества государства проявляются не сами по себе, не просто потому, что появились первичные государственные институты, а в связи с некоторыми иными условиями.** Исторически первым таким условием стало создание высокопродуктивного и широко-масштабного ирригационного хозяйства. В результате начал аккумулироваться и перераспределяться гигантский в сравнении с прежними масштабами излишек благ, а численность населения превзошла все мыслимые по тому времени рамки. Позже, когда открылись дополнительные возможности для возникновения государства, порог «требований» к величине природного изобилия и численности населения общества снизился. Где-то такие возможности были связаны с развитием плужного земледелия и металлургии, где-то – с усовершенствованием морского транспорта и ростом торговли. Нередко решающим было развитие военной техники и приемов ведения войны. Важнейшую роль могли играть заимствования (например, письменности, правовых систем, развитых религий), которые облегчались по мере роста контактов. Роль этих и иных факторов была различной в зависимости от экологии, исторических особенностей и всемирной эпохи.

Но если нужных условий не было либо они исчезали, сам по себе факт появления ранних государственных форм не давал такого эффекта развития, который наблюдался в других случаях. И напротив, наличие упомянутых условий само по себе автоматически не вело к появлению государственных институтов. Причинно-следственная связь в конкретных условиях может не быть столь жесткой, поскольку такая связь между объективными условиями и рождением государства верна только в самом общем виде. При попытках приложить эту схему к более конкретным обстоятельствам выясняется ее недостаточность. Ведь и появление каких-то удачных зачатков государственности, из которых может вырасти государство, и наличие нужных условий для этого – и то и другое способно возникнуть по отдельности и не дать известного в позднейшей истории эффекта.

Подобно тому, как зерно самого лучшего сорта может не прорасти на плохих почвах или дать очень скудный урожай, а самая лучшая почва без зерна останется целинной, так и в описываемом случае две стороны процесса могли не совпадать. Для того, чтобы они соединились, по моему мнению, нужны были особые, даже исключительные, обстоятельства. Вот поэтому процесс шел столь долго и столь выборочно. Но чем больше появлялось государств, тем легче рождалось каждое новое государство.

Таким образом, надо различать сам факт и момент сложения административно-политических институтов и отношений, с одной стороны, и наличие иных условий, нужных для обретения ранним государством необходимого эволюционного динамизма, – с другой.

Следующим типом раннего государства является **слабозэволюционный**. Развитие таких политий шло хотя и медленно, но все же быстрее, чем описанных выше. Этому могли способствовать какие-то важные заимствования, например принятие иноземной религии, как это было, скажем, в христианизированной Эфиопии и отдельных африканских странах, ставших исламскими. Но даже и они демонстрируют поразительную от-

сталость в некоторых формах государственного управления⁷. Однако у таких политий больше шансов, чем у неэволюционных, превратиться из зачаточного раннего государства в типичное или даже переходное раннее.

Эволюционным типом раннего государства можно считать такое, которое начинает быстро развиваться в политическом, административном и/или правовом отношении и постепенно становится двигателем общественного развития или важнейшим условием такого развития. **У государств этого типа появляется возможность со временем перейти в разряд развитых.** Примеры таких государств – Древняя Русь, Англия, Япония и другие.

3. Неравномерность вызревания разных признаков государственности в раннем государстве

Как уже сказано в первой главе первой книги, как правило, такие признаки государственности, как наличие аппарата управления и подавления; система налогов; специальное (правильное, системное) территориальное деление (то есть триада признаков, с которой обычно и связывают факт наличия государства), в раннем государстве в полном виде обычно не встречаются. Точнее говоря, в одних ранних государствах имелись только какие-то из признаков триады, а какие-то отсутствовали, в других – могло быть наоборот, а в третьих присутствовали все признаки, но в неразвитом виде. И это является важной причиной теоретических несогласий и различных спорных утверждений историков о том, было или отсутствовало в том или ином обществе государство. Выше мы это видели на примере античных политий. Не меньше споров идет о кочевых политиях, тех же монголах; о многих африканских обществах и т. д.

Л. Е. Куббель, столкнувшись с такими проблемами и пытаясь найти адекватное толкование устаревшей теории, высказывал следующую мысль: совокупность этих трех характеристик (то есть триады) «позволяет говорить о том, что в данном обществе завершился политогенез и окончательно сложилось государство. Вполне очевидно, однако, что все они вовсе не обязательно возникают строго синхронно: конкретные условия исторической реальности могут в разных случаях ускорять или замедлять появление того или другого из таких необходимых элементов сформировавшегося государства. Столь же понятно, что такая асинхронность может давать – и действительно давала – в историческом развитии конкретные, как бы промежуточные стадии на пути политогенеза, когда при наличии в каком-либо социальном организме двух из вышеназванных характеристик отсутствовала бы третья» (Куббель 1988б: 132 и др.).

Однако, на мой взгляд, такие общества являются вовсе не промежуточными формами между догосударственными обществами и «правильными» ранними государствами, а нормальными ранними государствами, хотя в них и отсутствуют или слабо развиты те или иные признаки триады. Поэтому весьма логично будет относить указанные признаки триады только к развитым государствам, а для анализа раннего государства поискать иные, чем для развитого, характеристики, иначе истинная специфика первого ускользает от исследователей.

Те, кто пытается использовать для анализа раннего государства признаки развитого, недоучитывают, что в таких обществах заметная социальная стратификация, госаппарат и его карательные части, деление по территориальному признаку, налоговая система, частная собственность, письменное право и подобные отношения и институты не могут появиться сразу и в системе. Их одновременное обретение в каждом обществе просто невозможно.

⁷ Например, в Эфиопии очень долго (до конца XVII в.) не применялись печати при контактах с наместниками, поскольку все передавалось устно, через гонцов. Но и посылка печати еще не означала, что эфиопский царь посылал наместнику именно грамоту. Вполне возможно, что «посылал он ему даже не грамоту, а лишь отиск своей печати в знак того, что все сказанное гонцом говорится от царского имени» (Чернецов 1999: 50).

При этом в ранних государствах наблюдается как масса архаики, так и неожиданно развитые институты, причем в каждом случае это своеобразие совершенно исключительное. Ведь идет постоянный поиск новых механизмов, приемов, институтов, которые пробуются для решения разных задач. Естественно, что только немногие из них оказываются эволюционно универсальными (в числе которых как раз и оказались признаки триады). Но хотя большинство из отношений и институтов не стали универсальными, это не дает нам права считать общества, обладающие ими, негосударственными⁸.

Поэтому неправомерно ожидать, что в каждом раннем государстве сразу будут наличествовать все признаки развития общества и государства, которые мы связываем с переходом к социально дифференцированному обществу, государству и цивилизациям. Такое ожидание есть «слепота», которая связана, говоря словами П. Уосона, с непоколебимой приверженностью к однолинейной эволюции, с идеями о том, что типы схватывают сущность обществ, и с верой, что все сферы жизни общества эволюционируют «в ногу» (Wason 1995: 24). Фактически же в зависимости от типа и особенностей общества в каждом из них в первую очередь появляются только какие-то институты и отношения (в каждом случае разные), а остальные потом уже достраиваются, часто с большим опозданием. Неучет этого не позволяет понять, что отсутствие и неразвитость того или иного признака из триады в раннем государстве не только не означает какой-то его ущербности, но представляет собой совершенно нормальное и типичное явление. Напротив, наличие в нем всех признаков в достаточно развитом виде являлось бы отклонением от нормы.

Часто такое государство только надстраивается над обществом, ограничиваясь военными и перераспределительными задачами, не проникая в толщу его жизни. В таком случае в нем обязательно не хватает каких-то важных моментов государственности. Но можно посмотреть именно на те ранние государства, которые как раз берутся за «об-разец», то есть на те, где имелся развитой бюрократический аппарат управления, например, империя Инков, государства третьей династии Ура в Шумере и Хаммурапи в Месопотамии, Египет Древнего царства. Тогда при внимательном взгляде выясняется, что аппарат в них сосуществовал с недоразвитыми социальной структурой и этническими характеристиками, действовал в обществе без достаточно четкой социальной стратификации (то есть ярко выраженных классов или сословий, более-менее зрелых отношений собственности на землю). Об этом далее будет сказано подробно.

Следовательно, говоря обобщенно, раннее государство – всегда государство асимметричное (непропорциональное): либо в прямом смысле неполное (структурно-функционально), либо избыточное (в отношении социально-этнической структуры общества).

Несоответствия между ранним государством и обществом. Восточный и западный типы ранних государств. Итак, раннее государство не обладает полным набором важнейших черт государства (таких как аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление, письменное право) либо не развило их до удовлетворительной степени. В нем, как правило, также недостаточно органичная и сбалансированная система взаимосвязей между государством и обществом. Поэтому, хотя могли быть, как мы видели, разные модели государства, в каждом из них какие-то очень важные элементы государства и необходимые характеристики общества отсутствовали или были явно недоразвиты.

Иными словами, раннее государство следует рассматривать как такую форму политической организации, которая не позволяет еще создать достаточное соответствие между собой и обществом. Но утверждение о несоответствии раннего государства и обще-

⁸ Это показывает, что «нам не следует мыслить в категориях «чистых» типов. Государство отличается даже в том случае, когда имеет много общих признаков с вождествами» (Wason 1995: 23).

ства ни в коем случае нельзя трактовать так, будто между ними отсутствует тесная связь. Государство как форма общества всегда отражает социальное и иное устройство последнего. *Несоответствие – это не отсутствие связи, а такая связь, которая ретроспективно (с точки зрения эволюционных возможностей системы) выглядит неадекватной по сравнению с тем, что мы видим на более высоких этапах развития аналогичных систем.*

Поскольку многие ранние государства изобретали свои собственные, специфические формы политической и административной организации, которые впоследствии оказывались эволюционно тупиковыми, несоответствий между государством и обществом, естественно, было много. При этом иной раз связь между ними могла быть даже слишком тесной, если государственная форма годилась только для конкретного социума, а потому жестко препятствовала изменениям. Ярким примером является организация греческих полисов, неспособных преобразоваться даже перед лицом потери независимости. «Парадокс греческой истории состоит в том, что основной ее тенденцией было непрерывное и в общем малоуспешное стремление к преодолению полиса: непрерывное в силу несоответствия однажды установленных полисных принципов... дальнейшему общественному прогрессу, а безуспешное ввиду того, что попытки преодоления полиса осуществлялись на полисной же основе» (Фролов 1979а: 6).

Но, конечно, политическая форма может быть и не очень крепко связанной с обществом. В этих случаях государственной надстройке, образно говоря, почти все равно, кем она управляет. Возьмите Среднюю Азию, границы внутри которой в течение многих сотен лет никак прочно не устанавливались, без конца меняясь в зависимости от чисто военных обстоятельств и удачливости очередного завоевателя (да и для Ближнего Востока в целом и Северной Африки это очень характерно). Возьмите средневековую Европу XI–XIII вв., где огромные области с легкостью переходили от правителя к правителю, от державы к державе при браках и разводах правителей, по смерти короля и при обретении наследства.

Вот только один пример. В XII в. французский король Людовик VII с помощью династического брака с Алиенорой Аквитанской приобрел самое большое во Франции герцогство Аквитанию с графством Пуату. Но вскоре он потерял это владение в результате своего развода с Алиенорой. Несколько месяцев спустя она вышла замуж за Генриха Плантагенета (графа Анжу, которому во Франции также принадлежали графства Мэн и Турень и герцогство Нормандия). Соответственно и Аквитания теперь стала областью Генриха. Далее события развивались и вовсе интересно. Стоит напомнить, что после завоевания Англии в 1066 г. нормандским герцогом Вильгельмом родственные связи между английской и французской знатью сильно переплелись. В 1154 г. указанный Генрих Плантагенет волею случая стал английским королем. И все его французские земли (от Ла-Манша до Пиренеев) также перешли к Англии. Но формально он оставался вассалом французского короля (см.: Люблинская 1972: 97–98; Колесницкий 1980в: 194; Кириллова 1980: 216–217).

Европа этого времени – пример политической системы со слабой административной структурой. Но бывали случаи «непригнанности», даже когда политическая власть обладала развитым административным и бюрократическим аппаратом, который сравнительно легко накладывался на разные территории. Так было в Месопотамии. Государства здесь часто меняли границы, то укрупнялись, то распадались, неоднократно происходила и смена династий. Но принципы государственности при этом оставались в целом теми же. Бюрократия легко надстраивалась над любыми территориальными конфигурациями. Полдти с неполной административной структурой можно назвать условно европейским или западным типом раннего государства, а политики с избыточным административным управлением – восточным. См. Аппендикс 1 к главе.

Для **развитого** же государства определенное соответствие между политико-административной системой и обществом является обязательной характеристикой. Это означает следующее. С одной стороны, общество здесь социально и этнически достаточно консолидировано. Это заключается, во-первых, в том, что социальная структура представлена несколькими крупными общественными группами, а не множеством мелких социальных слоев или социально-территориальных единиц (вроде независимых городов и храмов с особыми привилегиями). Во-вторых, налицо этнически сложившиеся народности, а не племенной конгломерат или сосуществование массы мелких родственных народов. Для областей и народов в развитом государстве по сравнению с ранним, как правило, имеет гораздо большее значение, какие у них правители (в частности, какая династия), в какое государство они входят. Соответственно некоторые изменения могут вызвать очень значительный резонанс в обществе развитого государства. С другой стороны, это государство с достаточно заметной административной системой, которое и в устройстве, и в политике явно отражает особенности своего социального и этнического состава, в то же время активно влияя на социальную структуру общества и выступая неким арбитром между классами, сословиями и корпорациями.

Государство и экономика в аграрно-ремесленном принципе производства

В зависимости от того, какие моменты в политогенезе выходят на первый план, существенно меняется соотношение политической власти и производства. Если раннее государство возникало в результате завоеваний или объединения обществ для ведения совместных военных действий, а война была основным его делом, то оно в основном могло представлять собой политическую надстройку, озабоченную сбором дани или налогов, почти безразличную к хозяйственным проблемам, а то и просто враждебную им. При аристократическом пути формирования государства политическое насилие осуществлялось аристократией с помощью новых или трансформировавшихся старых институтов, например суда, а также монополии на установление законов, правил, запретов⁹. Это, как известно, может привести к деградации хозяйства, ибо своекорыстие крупных собственников нередко способствует разорению, а порой и порабощению соплеменников и сограждан. Так было в Афинах в VII в. до н. э., где не только крестьяне, но и многие знатные семьи разорились, лишились земли и политического влияния (Колобова, Глушкина 1958: 111–117; Сергеев 2002: 189). Однако, по-видимому, на первых порах такой вариант способен закрепить некоторые институты (особенно частную собственность), что в дальнейшем может быть важным.

Там, где государство образовывалось под мощным влиянием хозяйственных, особенно ирригационных, задач, оно не было лишь организацией господства и перераспределения благ, но одновременно являлось также организатором и контролером производства. И на эти функции всегда указывали исследователи (см., например: Wittfogel 1957; Мечников 1995 [1889]; Андрианов 1976). Можно считать, что не только на первых этапах, но и долгое время спустя симбиоз хозяйственных и политических функций был наиболее удачным эволюционным решением, которое позволяло достаточно полно использовать возможности природы, накапливать богатства, благоприятствовало росту населения и культуры. Но по мере увеличения государственного аппарата могла усиливаться тенденция, в результате которой государство лишало экономику потенциалов к развитию, подстраивая ее под административно-политические нужды и обременяя налога-

⁹ Иногда в виде толкования древних обычаев, иногда в виде прямых сакральных запретов, как в ряде государств Африки, иной раз путем получения «инструкций» от высших сил. Куббель (1988б) еще выделял плутократический путь политогенеза (плутократия – владельцы денежного богатства). Но, кажется, это редкий или даже гипотетический вариант.

ми¹⁰. Кроме того, общественная система была так жестко связана с административной машиной, что при упадке династии демографический и хозяйственный кризисы порой принимали катастрофические масштабы (см. литературу на эту тему: Гринин, Коротаев 2009: 41; см. также: Гринин 2007в; Korotayev 2017). В таких обществах при высоком плодородии и многочисленном населении, если хозяйство функционировало в целом нормально, удавалось собирать огромные средства. Поэтому в условиях стабильности власть часто не видела особого смысла в инновационных переменах и экспериментах. Политическая надстройка же в большинстве случаев препятствовала обратной связи между производством и распределением, прибавочный продукт часто, а то и в основном расходовался непроизводительно или неэффективно.

Конечно, исследуя соотношение развития государства и хозяйства, необходимо установить сам характер государства, какие классы, сословия и группы являлись в нем ведущими, ибо от этого очень сильно зависела и экономическая политика. Но в целом ясно, что простое воспроизводство, ручной труд и консервативная технология предопределяли медленный и нестабильный характер роста производства с периодическими упадками. Развитие колебалось из-за «неровностей» политики и бесконечных войн, зависело от умственных способностей и личных качеств правителя, наличия мирных или воинственных соседей. Поэтому следует сделать вывод, что на протяжении древней и средневековой истории доминирование чаще оставалось за политической (военной, административной) сферой, а производственная была в подчиненном положении¹¹.

Это тем более неудивительно, что во многих обществах занятие хозяйством, особенно торговля и коммерция, не являлось престижным для элиты, а то и вовсе считалось делом низким, и, следовательно, лучшие силы отвлекались от производства. Поэтому действия, сдерживающие рост производства, технического и иного прогресса, были в целом характерны для доиндустриального периода. Бесконечные же войны и грабительские походы в конечном счете вели хозяйство многих стран к упадку и разорению¹². Но, конечно, в результате таких пертурбаций могли возникать и положительные, прогрессивные явления, которые постепенно закреплялись.

Характерно также, что даже политика, направленная на развитие хозяйства (когда таковая проводилась), очень часто носила вынужденный характер и рассматривалась прежде всего как инструмент решения тех или иных задач, особенно военных. Но также могло быть: а) стремление к скорейшему восстановлению нормальной жизни (после войн или кризисов); б) получение средств для каких-то целей; в) престижное подражание. Вполне понятно, что при напряжении сил и ресурсов могли рождаться и важные инновации. Например, ликвидация разрухи и запустения обычно происходила при недостатке рабочих рук. Следовательно, в эти периоды могли появляться трудосберегающие

¹⁰ Хозяйственная политика даже таких стран, как Китай, который в этом плане, на мой взгляд, составляет исключение, была крайне непоследовательной. С одной стороны, влияние власти на развитие производства с помощью поощрения заселения новых земель, налоговых льгот, запретов на стеснение крестьян-налогоплательщиков и т. п. С другой – налоговые тяготы, злоупотребления чиновников, различные сиюминутные причины, имперские амбиции или, наоборот, неспособность власти сдержать натиск кочевников, что часто вело к деградации хозяйства. Кроме того, надо учитывать, что Китай являлся уже развитым государством, которое в целом гораздо больше заботилось об экономике, чем раннее.

¹¹ Совпадение же интересов производства в целом с интересами государства было достаточно редким. Редкими были и условия, открывающие путь для технических инноваций, постоянного роста производительности труда и т. п.

¹² Достаточно вспомнить такие военно-паразитические державы, которые бесконечно разоряли окрестные и даже подвластные им территории, как Ассирия или государство Тимура. Стремление к захвату военной добычи резко уменьшило стимулы к развитию в них собственного производства. Непрерывные войны разрушали хозяйство. В империи Карла Великого, например, нескончаемые походы разорили крестьянство и ускорили его закрепощение. В других случаях неумение власти заметить народ или прямой союз с врагами также вели к плачевным результатам. Так, на юге Руси в XII в. междоусобицы князей с участием половцев привели к массовому оттоку населения на северо-восток в леса. И число таких примеров бесконечно.

технологии и техника, более производительно использоваться животные. Часто технические новинки носили военный характер, а затем распространялись и на мирные сферы. Такова, например, судьба металлургии. При поощрении торговли в некоторых государствах усиливались процесс заимствования достижений, специализация хозяйства, а потребности власти могли вести к специализации ремесленного производства, строительству портов, складов и пр.

Хотя в доиндустриальную эпоху и было сделано множество важных изобретений и открытий, повысивших производительность труда, все же правильным будет сказать, что одним из самых основных, а часто главным источником повышения объема производства был рост населения и площади обрабатываемых земель. Прирост валового продукта в доиндустриальных государствах в целом соотносим с объемами увеличения населения (см., например: Мельянцев 1996: 60–62). Но демографический рост может быть достаточно длительным (если позволяет природный фактор) только при сильном государстве, способном обеспечить внутренний мир и безопасность от внешнего врага (см.: Гринин 1999а; 2006а; 2007в; Ле Руа Ладюри 2004: 16–19).

И думается, что для описываемого периода именно в этом моменте и находилась главная связка между государством и производством. Даже там, где не было целенаправленной экономической политики, но был мир и какой-то порядок, часто наблюдался рост хозяйства, который шел естественным путем за счет колонизации, расширения запашки, специализации, разделения труда, торговли и т. д. Для доиндустриальной эпохи зависимость производства от государства оказывалась тем выше, чем благоприятнее и изобильнее была географическая среда, ибо численность населения и количество избыточного продукта были прямо пропорциональны ее щедрости¹³. Но тем сильнее становилась роль государства как силы, необходимой для поддержания единства и порядка (иначе изобилие иссякает) и защиты этого богатства от внешних грабителей. Таким образом, главными условиями существования его хозяйства были поддержание необходимого порядка, отсутствие чрезмерного перенапряжения народа со стороны власти и защита его от внешних нашествий.

Переход к развитому государству

В течение столетий и тысячелетий шел постоянный поиск наиболее удачного сочетания, с одной стороны, политической и административной форм, а с другой – социальных, этнических и идеологических отношений. Раннее государство, как мы видели во второй книге, выступало как государство, обычно неполное административно, а иногда, напротив, как административно избыточное. Но в любом случае имелись диспропорции и неадекватность между государством и социально-этническими отношениями. В результате то и дело случались децентрализация и распад крупных государств, а мелкие политии обнаруживали неспособность к объединению и т. д. Происходил жесткий отбор наиболее удачных вариантов, и постепенно в результате многочисленных трансформаций, переворотов, завоеваний, распадов и собраний земель, проб и ошибок, коллапсов, реформ начался переход от раннего к развитому государству. Но путь к этому был длительным и столь непростым, что многие ранние государства так и не смогли стать развитыми. Как я уже говорил, такую неспособность в принципе надо рассматривать не как отклонение, а как норму, а способность к переходу – скорее как положительное исключение, особенно

¹³ Хотя, конечно, любая территория имела свой предел, и по мере исчерпания емкости экологической ниши возникало перенаселение, а с ним и кризисные явления вплоть до демографической катастрофы. О так называемой «мальтузианской ловушке» в неомальтузианской литературе написано достаточно много. Смысл этого явления заключается в том, что в аграрных обществах в конечном счете прирост населения начинает обгонять прирост производства продуктов питания. Литературу на эту тему, а также о возможностях выхода из этой ловушки см.: Гринин и др. 2008; 2009; см. также: Гринин 2007в.

до периода, когда образование развитых государств стало массовым (то есть до XVI–XVII вв. н. э.). Ведь, чтобы такое государство появилось, нужен был существенный прогресс в его политическом, административном и правовом устройстве, в идеологии, а также достижение необходимого уровня этнического, социального, экономического и культурного развития. И даже далеко не все аграрно-ремесленные государства могли достигнуть второго этапа *типичного* развитого государства, на котором уже становятся явными его основные характеристики. Другие (подобно империи Моголов в Индии) доходили только до первого этапа (начального) этой стадии государственности, не выдерживая сложностей трансформации.

Для **развитого**, то есть уже сложившегося политически и социально, государства определенное соответствие между политико-административной системой и обществом являлось обязательной характеристикой. В целом и в устройстве, и в политике развитое государство явно отражало особенности своего социального и этнического состава и в то же время активно влияло на социальную структуру общества, выступая неким арбитром между классами, сословиями и корпорациями. Иными словами, общество здесь социально и этнически оказывалось более консолидированным, а социальная структура обычно была представлена несколькими крупными общественными группами, а не множеством мелких социальных слоев или социально-территориальных единиц (вроде независимых городов и храмов с особыми привилегиями). В развитых государствах имелись этнически сложившиеся народности, а не племенной конгломерат или сосуществование массы мелких родственных этносов и народцев, как в ранних государствах. Важно отметить, что развитое государство имело уже достаточно оформленную административную систему.

На протяжении многих тысячелетий исторического развития шел своеобразный поиск наиболее удачного сочетания политической и производственной сфер. Наконец, возник вариант, который стал исходным для перехода в новый тип политической организации. Но появился он на территории с не самыми благоприятными для сельского хозяйства природными условиями. В странах не с такими урожаями, какие имели место в ирригационных регионах, естественно, и населения было меньше, и плотность его была ниже, поэтому меньше была и необходимость государству вмешиваться непосредственно в хозяйственные циклы. Но и здесь оно должно было в первую очередь обеспечивать внешнюю безопасность. Однако прибавочного продукта в таких небогатых районах было не так много. В результате проблема обслуживания войска порой становилась настолько обременительной, что все хозяйство перестраивалось для ее реализации. Поэтому не чиновник, а воин становился здесь главным посредническим звеном между государством и производством. Конечно, воин не мог быть слишком хорошим хозяином, а следовательно, рост производства мог длительное время сдерживаться.

Однако в конечном счете в Европе сложился новый и удачный баланс между политической, экономической и социальной сферами. Кроме того, надо отметить, что в первый период новой истории (XV–XVIII вв.) складывается и несколько новая демографическая ситуация. Как говорит Ле Руа Ладюри (2004: 16): «Классическая монархия неотделима прежде всего от определенного типа демографии, сложившегося в ходе длительного развития. Скажем, что речь идет в основном о трех с половиной веках (1450–1789 гг.), когда катастроф, конечно, хватало, но они не носили такого разрушительного характера, как в предшествующие периоды». И Ле Руа Ладюри объясняет это именно новым типом государства, «классической монархией» (Там же: 16–19), которая в нашей классификации относится именно к развитому государству (о связи демографических циклов и развитого государства см. также: Гринин 2006а, 2007в; Гринин, Коротаев 2009).

Очень важным – тем более с учетом темы исследования – будет и такой момент, что развитые государства или их аналоги (равно как и перезревшие, уже «архаические» госу-

дарства, не способные перейти к развитым) на Востоке появились существенно раньше, чем на Западе. Причем появились на высокоинтенсивном, однако же все еще аграрно-ремесленном производственном и военном базисе, поскольку это было до появления огнестрельного оружия¹⁴. Соответственно модель развитого государства была «настроена» на этот базис и вытекающие из него социальные отношения. На Западе развитые государства на аграрно-ремесленном базисе могли появиться только в результате важных заимствований и определенной военно-социальной модернизации (как это было, например, в России и Польше), а фактически они требовали несколько иного производственного базиса, который «добавил» бы недостающую долю общественного богатства. Такой необходимой «добавкой» и выступали внутренняя и особенно внешняя торговля, мореплавание и колониальное хозяйство, городское и сельское рыночное ремесло и мануфактурная промышленность. Соответственно государство не могло не учитывать в своей организации этих секторов. А то, что эти сектора в дальнейшем приобрели индустриальный характер или подготовили индустриализацию, оказалось тем призом Европы, о котором никто не мог подумать.

В известной мере здесь можно говорить о первичных и вторичных (третичных) развитых государствах, имеющих существенные вариации в своих моделях, подобно тому как ранние государства делятся на первичные (в основном аграрные), вторичные (уже с ремесленно-торговой «добавкой»), на базе металлургии в частности) и третичные, в которых особенно наглядным был военный компонент, связанный с новыми военными технологиями (организация конницы, железное оружие, новые тактико-стратегические моменты, включающие в себя фортификацию и науку взятия крепостей [см., в частности: Разин 1994, т. 3; Яковлев 1995: 31–69; Прочко 1994: 32–44]).

Важные детали взаимосвязи урбанизации и роста развитых (а также зрелых государств) проанализированы в главе 11.

Развитие государственности в Европе и Азии в XV–XIX вв.

В завершение главы имеет смысл сказать немного о процессах развития государственности в рассматриваемый период с точки зрения процессов конвергенции и дивергенции. Отметим, кстати: благодаря тому, что государственность в ряде азиатских стран (Японии, Турции, Китае) достигла высокого уровня, европейцам не удалось полностью их подчинить, а в случае Японии именно высокий уровень государственного управления (наряду с другими причинами) позволил ей совершить успешную модернизацию. Согласно нашей концепции (Гринин 2010г; 2011а; Гринин, Коротаев 2007; 2009а) государства на эволюционной лестнице можно разделить на ранние (то есть архаические), развитые и зрелые. При этом каждая из указанных ступеней может быть разделена на три этапа: примитивный, типичный и переходный¹⁵.

Опережение в развитии государственности Азией Европы к началу Нового времени. После падения Западной Римской империи государственность в Европе пришла в упадок, и в течение почти целого тысячелетия европейские государства оставались на уровне раннего (архаического) государства, при этом в течение целых столетий раздробленного и нецентрализованного (см. подробнее: Гринин 2010г; 2011а; Гринин, Ко-

¹⁴ «Военные революции», связанные с созданием или реорганизацией постоянной армии, на Востоке произошли уже давно. Подобные революции совершались и на Западе, особенно мощно в Римском государстве, где переход к постоянной и наемной армии стал одним из рубежей перехода к развитому государству и империи. В Европе же переход к новым армиям и военным (включая военно-морские) технологиям в течение XV–XVII вв. постоянно усиливал модернизацию государства. (О военной революции в Европе см.: Пенской 2005; см. также: Duffy 1980; Downing 1992.)

¹⁵ Свою концепцию мы развили на основании известной в антропологии классификации государств Х. Й. М. Классена и П. Скальника (Claessen, Skalnik 1978; 1981), но предложили вместо двучленной модели «раннее – зрелое государство» трехчленную – «раннее – развитое – зрелое» (Гринин 2009б). С таким подходом Классен полностью согласился (Claessen 2010: 35).

ротаев 2007; 2009a)¹⁶. В то же время целый ряд стран Азии (периода Средних веков) имел уровень развития государственности выше европейского. Китай, Иран периода Сасанидов, арабские халифаты, некоторые государства Средней Азии, Индии, Индокитая, Корея, Япония в разное время, но в целом раньше европейцев, достигали более высокого уровня государственности, который можно охарактеризовать как развитое государство либо аналогичный ему (см. ниже; подробнее хронологию выхода на данный уровень см.: Гринин, Коротаев 2007; Гринин 2010г: Приложение, табл. 2). Правда, не все государства сохранили этот уровень в течение длительного времени, а многие азиатские страны в основном оказались способными достичь лишь первой ступени нового уровня государственности – примитивного развитого государства (или аналога этой стадии). Остальные страны Азии, за исключением Китая, очень долго не могли достичь следующего уровня государственности (то есть типичного развитого государства)¹⁷.

В Европе, конечно, уровень государственности к позднему Средневековью намного опередил уровень варварских королевств, но все же это были ранние государства (типичного или переходного уровня). Следует отметить, что в немалой степени на процесс развития европейских монархий и республик повлияли столкновения с арабами в разное время, начиная с эпохи Каролингов и Омейядского халифата, особенно в ходе крестовых походов и Реконкисты, а также и контакты с Византией. Процесс конвергенции, следовательно, имел место и в области государственного строительства вместе с другими сферами, описанными выше. Но, повторим, до середины XV в. ни одна европейская держава не достигла уровня развитого государства. Правда, в конце XIII в. начался подъем государственности во Франции, но он был прерван Столетней войной.

Развитые государства в Европе с конца XV в. Таким образом, фактически только с началом раннего Нового времени можно говорить о переходе европейских государств к новому уровню и типу государственности – развитому государству, то есть эффективно централизованному, имеющему органы бюрократии, регулярную армию и налаженную систему передачи власти (см. подробнее: Гринин 2010г).

Франция, как уже было сказано выше, начала вступать в эту стадию в конце XIII в. при Филиппе IV Красивом (1285–1314). К этому времени во Франции благодаря деятельности его предшественников и благоприятному экономическому развитию появляются достаточно развитые административный аппарат, система налогов, суд; укрепляется государство; владения французских королей значительно возросли, хотя централизация еще была слабой. Формируются сословия и сословное представительство (Генеральные штаты) (Люблинская 1972: 94–109; Цатурова 2002: 12–13; Нау 1975: 138). Но Столетняя война задержала процесс развития государственности. Затем уже с первой половины XV в. централизацию пришлось начинать заново с самой низкой отметки, когда вопрос вообще стоял о том, быть или не быть Франции и ее королю (Нау 1975: 153–160; Ле Руа Ладюри 2004: 17). Можно считать, что французское государство стало бесспорно развитым в правление Людовика XI (1461–1483), который сумел подчинить себе мятежных вассалов. Он похвалялся, что во Франции «не осталось головы, которая бы крепко держалась на плечах» (Грановский 1987: 27).

Испания вступила в эту стадию в конце XV в. (в результате объединения Кастилии и Арагона). Совместное правление Фердинанда и Изабеллы (1479–1504) было поворотным пунктом испанской истории. Они сумели объединить страну, навести в ней порядок,

¹⁶ Исключение составляла только Византийская империя, насколько ее можно отнести к Европе. Но, несмотря на периоды подъемов, Византия после проигрыша нескольких войн мусульманам все же была государством, близящимся к своему закату.

¹⁷ В некоторые эпохи мамлюкского управления до XVI в. Египет мог считаться достигшим этого уровня, с XVIII столетия его достигла и Япония, а в XIX в. – вновь Египет и Турция (подробнее см.: Гринин 2010г; Гринин, Коротаев 2009б; 2009в).

многое реформировать и привести к покорности знать, хотя сила последней и не была сломлена до конца (Johnson 1955: 105–106). Открытие и колонизация Америки ускорили развитие Испании.

Англия вступает в стадию развитого государства в конце XV – начале XVI в. (после войны Алой и Белой Розы и воцарения династии Тюдоров). Уже Генрих VII (1485–1509) многое сделал для централизации, в целом же в результате более чем векового правления династии Тюдоров в Англии сложилась и достигла расцвета новая форма правления – абсолютная монархия (см.: Дмитриева 1993: 163), хотя абсолютизм в Англии был существенно иным, нежели во Франции или тем более в России (см.: Сапрыкин 1991: 207–208; Карев 1993: 160–161; Гринин 2010₂).

Развитые государства Азии в Средние века до конца XV в. Как уже было сказано выше, в некоторых регионах и государствах Азии этот переход к уровню развитого государства произошел раньше. Рассмотрим некоторые примеры. Поскольку процесс эволюции государственности достаточно подробно был рассмотрен нами в других работах (Гринин 2009_б; 2010₂; Гринин, Коротаев 2007), в этом подпункте мы меньше будем говорить о европейских государствах, а больше остановимся на успехах и проблемах восточных стран в деле государственного строительства.

Иран можно считать развитым государством уже в III в. н. э. после появления и упрочения Сасанидской династии. В стране уже с первого царя Арде-шира I (227–241) начались значительные изменения (частично вызванные целенаправленными действиями правительства, а отчасти протекавшие естественным образом), которые продолжались в течение довольно длительного времени: ликвидация вассальных царьков и замена их наместниками, укрепление централизации, принятие новой религии, формирование новых сословий, реформы территориального деления, изменения в этнических характеристиках населения, языковая и культурная консолидация страны. В стране существовал развитый бюрократический аппарат (Луконин 1987; Новосельцев 1995: 24, 31; см. также: Фрай 1972; Колесников 1987). Любопытно отметить, что шахиншах назначал глав четырех сословий в общегосударственном масштабе (Колесников 1987: 185).

Аналогами развитых государств следует считать и некоторые арабские государства, например халифат Аббасидов (примерно с 750 г., то есть установления династии Аббасидов, и до середины X в. – времени окончательной утраты халифами реальной политической власти). Этому огромному государству были присущи важные элементы единства в виде единой религии, арабского языка и частично общей культуры, некоторые элементы экономического единства, заботы о коммуникациях и торговле; оно заимствовало ряд достижений государственного управления (территориальное деление, налоговую систему, структуру правительства) и социального регулирования (включая и некоторое подобие сословий) из более высокоразвитых стран, уже ставших развитыми государствами, таких как Византия и особенно Сасанидский Иран (см., например: Фадеева 1993: 47–48). Также важным элементом была духовная власть халифа над всеми мусульманами (Большаков 1995: 125–130; Фадеева 1993: 47). Однако степень централизации была недостаточной, власть и автономия наместников – слишком большой, и халифат сохранял единство в основном благодаря силе оружия и авторитету халифа как верховного духовного владыки всех мусульман (Большаков 1995: 130; Михайлова 1995: 222; см. также: Marsot 2004: 6–12). Хотя значительное количество населения и арабизировалось (кстати, во многом помимо желания самих арабов [см., например: Коротаев 1997; Коротаев, Клименко, Прусаков 2007; Коротаев, Исаев, Руденко 2014, 2015; Korotayev 2000]), халифат оставался очень пестрым в этническом отношении государством. А слишком тесная связь религиозных и политических аспектов государственной власти не только способствовала децентрализации, но и мешала «отколовшимся» государствам приобрести нужную легитимность.

Как аналог развитого государства также можно рассматривать испанский халифат Омейядов в X – начале XI в., начиная с правления Абдар-Рахмана III до периода окончательного распада халифата и начала эпохи мелких удельных государств (см., например: O’Callaghan 1975; Watt 1965; Уотт 1976). Это государство имело довольно высокий уровень управления и культуры, но, оставаясь многоэтническим и находясь на стыке противодействия разных религий, оно оказалось не столь прочным.

Можно считать, что Япония вступила в стадию развитого государства к началу XV в., когда сёгунам из династии Асикага удалось укрепить позиции центральной власти и они были близки к положению полновластных хозяев страны, хотя период их реальной власти был и недолгим (Толстогузов 1995: 561; Кузнецов и др. 1988: 89)¹⁸. В Японии уже с XII в. наблюдались попытки централизации, что выразилось, в частности, в возникновении самого института сёгуната (1192 г.). Однако только в XV в. обозначились контуры того социально-политического строя, который достиг зрелости два века спустя в период сёгуната Токугавы.

Вьетнам и Корея в стадию развитого государства вступают также в XV в. (во Вьетнаме с образованием династии Поздних Ле, а в Корее – с династии Ли, которая находилась у власти более 500 лет [Пак 1974а: 164; 1974б: 170–190; Деопик 1994: 186–203; Васильев 1993: 413, 431]). Но в обеих странах дальнейшее продвижение по пути развития государственности происходило с большим трудом.

Зато особых успехов здесь, несомненно, добился Китай. Впервые он достигает стадии развитого государства в результате первого объединения его в единую империю в конце III в. до н. э. при Цинь Шихуанди. Перемены, произошедшие в стране, были огромными. Были изменены административная и территориальная системы, введены единое законодательство, единая письменность, унификация мер и весов, проведена реформа денежной системы, возведена Великая Китайская стена и т. д. Огромными были социальные трансформации, впрочем, при колоссальных гуманитарных издержках (Крюков, Переломов и др. 1983: 17–21; Переломов 1962).

Дальнейшее развитие государственных институтов происходило в Китае – несмотря на периоды децентрализации – в целом поступательно, что отличает его от многих других государств Азии. В Китае уровень управления возрастал, а степень стремления жить в определенном государстве повышалась от династии к династии. В период династии Тан Китай достигает уровня типичного развитого государства, а в период династии Сун – переходного. Среди достижений, немыслимых в Европе до XIX в. или даже более позднего времени, – назначение на должности в соответствии с личными качествами, выявляемыми с помощью экзамена, а не благодаря происхождению или деньгам. С временными откатами в периоды кризисов и децентрализации Китай оставался на этой стадии до расцвета последней династии Цин, когда страну уже можно рассматривать как аналог новой стадии государственности – зрелого государства.

В отношении развития государственности и преемственности, поступательности в этом развитии Китай, таким образом, опережал не только Европу, но и большинство обществ Азии (включая Индию и Иран). Распад Китайского государства в результате падения очередной династии не вел к потере преемственности в восприимчивости государства и появлению на его месте совершенно иных политических образований (как это было на Ближнем Востоке или в Средней Азии), напротив, через какое-то время в результате развития центристических сил происходили его возрождение и обновление, а с ними и рост уровня управления в тех или иных отношениях. Напомним, что уровень развития государственности в Китае вполне отражала политическая идеология – конфуцианство. Некоторые конфуцианские труды, например трактат Ли Гоу «План обогащения государ-

¹⁸ Как это часто бывает на первом этапе развитого государства, вскоре централизация ослабела и начались междоусобные войны. Второй этап централизации Японии завершился только в конце XVI в.

ства, план усиления армии, план успокоения народа», представляют собой развитую политическую концепцию (см.: Лапина 1982).

Конвергенция развития государственности в начале Нового времени. Первый период раннего Нового времени (конец XV–XVI вв.), как было сказано выше, стал переломным для развития государственности в Европе (Гринин 2010г; см также: Elliott 1974: 80). В Европе государства сложились в результате завершения крупных войн, которые укрепили централизацию; хозяйственного подъема (см. выше), переросшего в начальную фазу промышленной революции; распространения огнестрельного оружия, в итоге положившего конец возможностям сопротивления королевской власти; распространения книгопечатания и ряда других обстоятельств и причин. Однако – что важно в связи с темой второй части книги – это также стало и периодом нового подъема государственности в Азии (Гринин 2010г). В этот период образовались развитые государства, традиция которых далее уже не прерывалась (даже если они и попадали в колониальную зависимость).

Такая синхронность подъема государственности в Европе и Азии (а также в России) в конце XV – XVI в. была не случайным явлением, **это была политико-административная конвергенция**, связанная с целым рядом факторов. Во-первых, с изменениями на мировой политической карте, в частности с упадком татарских государств, наследников Золотой Орды и государства Тимура в Средней Азии, что позволило возвыситься Османской империи и Российскому государству, которые (особенно Турция), в свою очередь, повлияли на политический ландшафт в Европе и на Ближнем Востоке. Во-вторых, с Великими географическими открытиями и проникновением европейцев в Азию и Индийский океан. В-третьих, что было крайне важным, с распространением огнестрельного оружия и особенно усовершенствованной артиллерии. Раньше всех эти инновации в артиллерии начали использовать турки, что вынудило провести соответствующие реформы в Сефевидском Иране, а также повлияло на развитие армии в России и Индии¹⁹. Конечно, огнестрельное оружие и артиллерия, в том числе тяжелая, использовались задолго до времени правления Акбара (Gommans 2002)²⁰. Но при нем артиллерия была усовершенствована. Акбар даже обращался к османам за помощью в отношении тяжелой артиллерии, а также и к европейцам, особенно итальянцам и португальцам. А при Аурангзебе также было много приглашенных мастеров пушечного дела – европейцев (Schimmel 2004: 88). *Таким образом, конвергенция в военном деле обеспечивалась и прямой службой европейцев при восточных армиях.*

Во всех трех империях (Османской, Сефевидской и Могольской), как и в России, были проведены реформы, оформившие служилые сословия, которые составляли костяк армии, а также специальные отряды мушкетеров (стрельцов) и артиллерийские части. Эти империи получили в некоторых работах (например, М. Дж. С. Ходжсона) название «пороховых» (Ходжсон 2013; см. также: Andrade 2016).

Прежде чем приступить к краткому описанию изменений в этих империях, мы хотели бы обратить внимание на интересную общую особенность новых развитых государств, а именно на то, что в XV–XVI вв. они оказались связаны с ожесточенной идеологической борьбой не только в Европе, но и в Азии²¹.

¹⁹ Последнее было более чем естественным, поскольку правители и значительная часть правящей элиты в Индии являлись мусульманами-суннитами, а контакты с турецким султаном были довольно активными.

²⁰ Например, Бабур в 1527 г. при осаде одной из крепостей использовал 14 тяжелых орудий. А его сын Хамаюн в 1540 г. в битве при Канаудже использовал до 700 орудий (Schimmel 2004: 88; о вооружении Индии при великих моголах см. также: Gommans 2002).

²¹ В Европе, кроме религиозных войн, охвативших Германию и Францию, также можно указать на преследование евреев и особенно так называемых морисков, или мавров, которых в итоге выселили из Испании. Морисками называли арабо-берберское население, оставшееся в Испании, особенно на территории Гранады, и в конце XV – начале XVI в. насильственно обращенное в христианство, но тайно в большинстве своем оставшееся мусульманами. Среди них было много искусных ремесленников, купцов и образованных людей.

Как уже было сказано выше, сам переход к развитому государству и его дальнейший прогресс так или иначе связаны с большими переменами в идеологии. Даже если в обществе имела единая для него религия, этого для развитого государства становилось уже явно недостаточно. Иными словами, чтобы обрести устойчивость, развитому государству требуются более прочные идеологические обоснования. Поэтому в нем возникает заново или приобретает новое значение то, что можно определить как **политическую идеологию**. Она должна соответствовать новому уровню власти и утверждению нового статуса монархии или династии. Власти требуется сакрализация, которая предельно повышает ее статус. Это ведет к существенным изменениям, которые могут выражаться разными способами. Например, к реформированию религии и/или к ужесточению религиозного и иного режима с преследованием инакомыслящих, либо иногда к формированию новой идеологии (в России ею стала, например, концепция «Москва – Третий Рим»), либо к религиозным войнам (внутренним или внешним). Также порой начинается введение определенного единообразия в области восприятия религии и монархии. В качестве подтверждения сказанному можно указать на обострение давнего соперничества между шиитами и суннитами в начале XVI в., которое позже переросло в борьбу Турции и Ирана, окрашенную в политико-религиозные тона. Большая часть XVI в. прошла под знаком внутримусульманской суннито-шиитской борьбы (см., например: Белокреницкий 2010: 66–67). Выше (в *Главе 3*) мы уже рассказывали о попытках Акбара установить единую религию в Индии. Но при внуке Акбара Аурангзебе (1658–1707), правление которого было долгим и жестоким, вновь начались преследования индуистов и представителей других религий. Император Аурангзев уничтожал индуистские храмы, заново ввел подушную подать на немусульман, отстранял индусов от государственных должностей, словом, столь энергично преследовал индусов и даже мусульман-шиитов, что существенно ослабил социальную базу империи (Неру 1977, 2: 71). Это стало одной из причин крушения империи Моголов. В Японии в XVII в., как известно, происходили преследования христиан (Кузнецов и др. 1988: 108–109)²², а из Китая в XVIII в. были высланы христианские миссионеры (Фергюсон 2014a), да и в целом политика закрытости, характерная для стран Восточной Азии, была из того же ряда идеологических ужесточений.

Развитие государственности в некоторых странах Азии в XVI в. XVI в. оказался переломным для таких стран, как Индия и Иран. В Индии развитое государство создавалось через некоторое время после образования империи Моголов во второй половине XVI в., в период правления Акбара (о реформе Акбара в отношении заминдаров и их службы см., например: Кей 2011; Алаев и др. 2010). В отличие от своего предшественника, Делийского султаната (XIII–XIV вв.), ряд достижений которого нашли свое применение в государстве Моголов, последнее было гораздо более крепкой и централизованной империей. Дальнейшее движение Индии в сторону развития государственности, однако, происходило с рядом сложностей, хотя в отдельных моментах, в частности в области совершенствования административной системы, она достигла достаточно высокой степени зрелости (см., например: Ашрафян 1987: 230). Могольская империя осталась на уровне начального развитого государства, и после Аурангзеба империя Моголов стала агонизировать, пришла в упадок и фактически распалась (Антонова 1979: 213–225, 233–241).

В Иране после столетий иноземного господства, кризисов и прозябания в конце XVI – начале XVII в. при Аббасе I (1587–1629) и его преемниках начался подъем. Иран вновь стал крупным и могущественным государством. Были проведены важные реформы. Иран этого времени можно считать вступившим в стадию развитого государства. Однако

²² Мало того, чтобы убедиться, что в стране не осталось христиан, правительство распорядилось об обязательной приписке каждой семьи к близлежащему буддийскому храму, куда следовало также сообщать обо всех семейных событиях и перемене места жительства (Ирхарт 1996: 523).

в дальнейшем правители оказались не слишком способными, и в конце XVII – начале XVIII в. экономическое положение страны ухудшилось, торговля, включая и внешнюю, пришла в упадок, налоговое бремя выросло, социальные отношения обострились, вспыхнули восстания. Начались политический и экономический кризисы, нашествия турок и афганцев, вмешательство иностранных держав, что привело страну к крайнему разорению и полной хозяйственной разрухе. Даже временное усиление Ирана при знаменитом Надир-шахе (1736–1747), который прославился успешными войнами и разграблением индийской столицы Дели в 1739 г., ненадолго изменило ситуацию. В конце своей жизни сам Надир-шах повел настолько неразумную внутреннюю политику, что после его смерти в стране начались политический распад, междоусобица, борьба политических клик за власть. Иран вновь фактически распался (Петрушевский 1977; Кузнецова 1986: 229).

Для демонстрации высокого уровня развития государственности на Востоке важно остановиться на описании османской государственности. Возможно, формирование развитого государства можно отнести к концу правления Баязида II (1481–1512) или началу царствования Селима I (1512–1520). В любом случае этот переход уже бесспорно состоялся при Сулеймане I Кануни, то есть Законодателе, прозванном европейцами Великолепным (1520–1566). В целом в эпоху Селима I и Сулеймана I государственные институты приобрели тот законченный вид, который на протяжении веков считался в османском обществе классическим образцом для подражания (Иванов, Орешкова 2000: 76). К этому времени сложилась достаточно эффективная (для эпохи и требований в период до военной революции XVII в. и промышленного переворота XVIII в.) военно-ленная система, которая позволяла иметь достаточно боеспособное и многочисленное войско с соответствующей системой регистрации помещиков-ленников (сипахов, или спахов). Сулейман ее усовершенствовал, запретив губернаторам раздавать лены и утверждать в правах наследников. Он провел ряд важных реформ: административного деления, упорядочения налогов, отношений между землевладельцами и крестьянами. Его установления были кодифицированы. Уровень административного управления также был достаточно высоким (см., например: Орешкова 1986; Петросян 1990; 1991; Findley 1989). Все это и обеспечило нужный уровень централизации империи. Недаром Турция оказалась единственной восточной империей, способной длительное время и небезуспешно соперничать в военном отношении с рядом европейских держав и даже их коалициями.

Как было сказано выше, уже сам переход к развитому государству и его дальнейший прогресс так или иначе связаны с большими переменами в идеологии. Но далеко не все государства оказываются способными найти или создать соответствующую идеологию. Ее отсутствие стало препятствием на пути развития ряда азиатских государств, в том числе и Индии, где преследование немусульман и мусульман несуннитского толка оказалось явно недостаточным для упрочения империи. В Турции с государственной идеологией ситуация до определенного времени была существенно лучше.

То, что султан принял титул халифа, «наместника аллаха», став хотя бы по званию главой всех мусульман, было важным аспектом его власти и существенно укрепляло государство (Петросян 1990: 58–69, 72), в котором – при всей его лоскутности – мусульмане все же составляли большинство – до 75 % (см.: Иванов, Орешкова 2000: 76)²³.

²³ Считалось, что уже в XVI в. турецкие султаны стали носить титул халифа, но сейчас этот тезис подвергается сомнению как позднейшая подтасовка и экстраполяция. В документах XVI в. этот титул как будто не фигурирует. И султаны никогда не подписывались иным титулом, кроме как «султан». Вполне вероятно, что в это время он и не казался необходимым турецким правителям, и без того достаточно сильным. Предполагается, что такой титул султаны стали реально использовать в некоторых случаях только в конце XVIII в. Но затем все стало выглядеть как ситуация естественного и законного перехода титула от побежденного халифа Египта к победителю (см., например: Sourdel *et al.* 1990).

Однако Турецкое государство, по точному определению Кочи-бея Гёмюрджинского, турецкого политического деятеля и писателя XVII в., было «саблей добыто» и саблей только могло «быть поддержано» (Бадак и др. 1996: 20). И если для начального этапа развитого государства «сабля» еще могла считаться достаточной, то далее требовались уже иные инструменты поддержки. А они отсутствовали или создавались медленно. Не было ни единого экономического рынка (Петросян 1990: 124; Мейер 1986: 159), ни единой культуры, не складывалась этническая и религиозная общность. Поэтому дальнейшее развитие Турции замедлилось, военные поражения участились, децентрализация и отделение провинций стали реальностью. Словом, кризисные явления усиливались, пока не переросли в системный кризис. Кризис конца XVIII в. – первых десятилетий XIX в. и первые серьезные попытки глубокого реформирования отделяют этап *начального* развитого от *типичного* развитого государства в Турции. Но, что характерно именно для Турции, движение к *типичному*, далее *переходному* развитому государству и затем к *начальному* зрелому государству (а эта трансформация шла в течение всего XIX и начала XX в.) проходило не в результате усиления империи, а, напротив, в связи с ее постоянными военными и дипломатическими поражениями, уменьшением территории, внутренними кризисами, которые заставили преобразовать военного типа государство в более светское и уменьшить влияние духовенства. Но главное – этот процесс был в прямой пропорции связан с отделением от империи нетурецких территорий. В результате лишь тогда, когда Турция стала государством с численно преобладающей нацией, проживающей достаточно компактно на собственно турецкой территории, она реально смогла стать зрелым государством. А произошло это окончательно только после поражения страны в Первой мировой войне и кемалистской революции.

Египет в некоторых отношениях был наиболее продвинутой провинцией Османской империи. Потеряв независимость, став частью сначала Римской, затем Византийской империй, далее провинциями арабских халифатов, Египет не утратил ни своей аутентичности, ни уровня развития. В X–XII вв. при Фатимидах (969–1171) он обладал независимостью (см., например: Семенова 1974), а затем при господстве мамлюкских династий (1250–1517) стал центром огромного государства, оставаясь таким вплоть до завоевания Египта османами в начале XVI в. В эти эпохи страна временами достигала очень высокого уровня развития, как уже было сказано, выходя иногда на уровень второго (типичного) этапа развитого государства (об уровне развития см., например: Shaw 1962: 1–10; Marsot 2004; Northrup 1998; Garcin 1998). На уровне развитого государства Египет оставался и в составе Османской империи (см. об уровне развития, например: Marsot 1984: 1–23; Winter 1992). В период правления Мухаммеда Али в первой половине XIX в. в результате модернизации он стал типичным, а позже, во второй половине XIX в., и переходным развитым государством, существенно опередив Турцию (см. подробнее: Гринин 2006б).

Конвергенция сменяется дивергенцией. Итак, в XII–XV столетиях мы видим конвергенцию в отношении государственного строительства, когда сначала Европа повышает его уровень, в итоге в начале Нового времени ряд стран переходит к уровню развитого государства. Далее в связи с некоторыми общими процессами и военными инновациями, а также в связи с усилением контактов между Европой и Азией процесс конвергенции усиливается, возникают или укрепляются мусульманские «пороховые» империи. При этом как в Европе, так и в данных империях военно-земельные реформы существенно изменили социальную структуру и организацию государства (включая его аппарат и налоговую систему). В некоторых случаях конвергенция происходит без существенного влияния извне, подтверждая, что в определенных ситуациях правящие верушки в развитых государствах, разделенных огромными расстояниями, приходили к сходным реше-

ниям. Таково, например, юридическое закрепление сословного деления в Европе и Японии.

Однако с XVII столетия конвергенция все заметнее превращается в дивергенцию, поскольку в XVIII в. европейские страны переходят в стадию зрелого государства, а азиатские развиваются слабо либо даже регрессируют. Исключение составляет только Китай, но развитие его государственности идет иным путем, в результате он не выдерживает столкновения с европейцами.

Зрелое государство – это понятие, с помощью которого обозначается органическая форма политической организации экономически развитого и культурного общества в виде системы бюрократических и иных специальных институтов, органов и законов, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь. Зрелое государство – это государство со складывающейся нацией, единой культурой и достаточно высоким уровнем образования. Но главное – оно основано на индустриализирующейся или индустриальной экономике. Вот почему вместе с индустриальной революцией стала быстро развиваться и государственность в Европе, по крайней мере с XVIII в. там можно говорить о переходе к зрелому государству. И поскольку в Азии ни о какой индустриальной революции в этот период говорить не приходится, Европа в плане государственности стала опережать Азию, и чем активнее развивалась индустрия, тем значительнее было это опережение. *То есть началась дивергенция в области государственности.*

Запад создал довольно совершенное государство (недаром только его некоторые теоретики и стали объявлять собственно государством) и слой нового типа бюрократии, отделенной от собственности и власти.

Классические чиновники в государстве западного типа по идее, которая утвердилась в течение XIX и начала XX столетия, не связаны юридически с особым сословием или стратой, не наследуют и не покупают должности, не приобретают вместе с должностью и особые права на собственность, дополнительные классовые привилегии и источники доходов помимо их жалованья. Однако все эти черты не вполне присутствовали в ранних и развитых азиатских и европейских государствах вплоть до XIX в. Например, во Франции фактически происходило превращение чиновничества в особое сословие, которое с начала XVII в. и даже раньше приобретает наследственные права на свою должность путем уплаты за это право особого налога. В результате такие служащие становятся несменяемым сословием «людей мантии» (Гордон, Поршнева 1972: 290; Ле Руа Ладюри 2004: 349–350; Малов 1994: 140–141). Те из чиновников, кто мог приобрести землю и дворянские титулы, становились так называемым дворянством мантии. Людовик XIV даже регламентировал право судей на поборы с тяжущихся, были зафиксированы предельные суммы и случаи, допускающие или запрещающие взимание подобных сумм (Гордон, Поршнева 1972: 261). В европейских странах также можно было купить патент на должность офицера или некоторые гражданские должности. В Англии дворяне-джентри были по совместительству и судьями. Коррупция была вполне нормальным и где-то даже признанным делом (подробнее об особенностях должностных лиц в ранних и развитых государствах см.: Гринин 2010г).

Однако в зрелых государствах ситуация меняется. Сословные привилегии сокращаются или отменяются. Теперь главная профессиональная характеристика чиновников – именно управлять, если их профессиональные знания и умения соответствуют занимаемой должности и способны выражать принципы административной техники и организации (Мизес 1993: 41). Соответственно наблюдается и рост уровня образования чиновников.

М. Вебер выделяет десять признаков такого чиновничества: бюрократы-служащие лично свободны и подчиняются власти только в непосредственной связи с их должностными обязанностями; они организованы в четко оформленную иерархию должностей;

для каждой должности имеется четко обозначенная сфера компетенции; должность занимается на основе свободного контракта и свободного отбора; кандидаты на должность назначаются, а не избираются; чиновники получают определенное жалование деньгами; служба рассматривается как основное занятие чиновника; служба составляет карьеру; чиновник подчиняется строгой и систематической дисциплине при выполнении служебных обязанностей (Weber 1947: 333–334).

Легко увидеть, что в большинстве стран Азии чиновники в течение Нового времени полностью не удовлетворяли этим принципам. За исключением, пожалуй, Китая, где уровень чиновничества, принципы их отбора и назначения на должность существенно превосходили общий уровень того времени. И это государство в Средние века и тем более в Новое время представляло своего рода исключение среди других государств и обществ. Ниже мы рассмотрим это подробнее.

Китайское государство как аналог зрелого государства. Китай периода XVIII – первой половины XIX в. достиг очень высокого уровня административного управления и государственности. По нашему мнению, в этом он по ряду аспектов существенно превосходил даже современные ему европейские государства. Однако поскольку зрелое государство – это государство в обществе, где происходит индустриализация, Китай нельзя признать классическим зрелым государством, продуктивнее рассматривать его как аналог зрелого государства, функции которого по своему масштабу, искусности, эффективности не уступают европейским зрелым государствам конца XVIII – начала XIX в.

Переход Китая к зрелой государственности состоялся в конце XVII в. в период очень долгого правления императора Канси (1661–1722). Императоры цинской династии Канси, его преемник Юнчжэн (1722–1735) и наследник последнего Цяньлун (1736–1795) привели монархию к зениту могущества (Крюков и др. 1987: 30–31; Непомнин 2005).

Наиболее важные моменты, подчеркивающие исключительность Китая, можно, на наш взгляд, свести к следующему:

1. Способность к эффективной социально-политической организации и контролю в течение длительного времени огромного даже по сегодняшним меркам населения. По некоторым оценочным данным, население Китая в 1750 г. составляло 260 млн, в 1760 г. – 268 млн, в 1810 г. – 385 млн, в 1830 г. – 409 млн, в 1840 г. – 412 млн человек (Илюшечкин 1986: 207). Другие авторы приводят несколько иные, но в целом сходные цифры (см.: Дикарев 1991: 71–72; Крюков и др. 1987: 63; Хохлов 1972: 30; выше мы уже приводили различные данные; см. также Рис. 4.5). За один только XVIII в. население Китая увеличилось в три раза (приблизительно со 100 до 300 млн [Крюков и др. 1987: 61–63; см. также: Коротаев, Малков, Халтурина 2005a: 198; Коротаев, Зинькина 2017; Korotayev, Zinkina, Zlodeev, 2018]). В наших исследованиях мы отмечаем почти обязательную связь перехода к зрелому государству и демографической революции (Гринин 2010c). В этом плане Китай в XVIII в. демонстрирует исключительно высокие темпы совершения демографической революции во всей всемирной истории. Это подтверждает нашу теорию о том, что он уже был аналогом *зрелого* государства, то есть однозначно перерос стадию развитого государства, хотя и в полной мере зрелым еще не мог стать (из-за отсутствия индустриального развития).

2. Высокая производительность труда и временами близкая к современной модель темпов экономического развития (см.: Мельянцева 1996: 57). Высокоинтенсивное и высокопродуктивное сельское хозяйство (Бродель 1986–1992, т. 1: 164 и др.; Дикарев 1991; Мугрузин 1986; 1991; Pomeranz 2000; Huang 2002), достаточно высокий уровень производства ВВП на душу населения и уровень заработной платы (Allen 2001; Goldstone 2008b; Allen *et al.* 2005; 2011; Петров 1986; см. также выше).

3. При этом внутри государства по меркам того времени была достигнута очень высокая техника управления (Коротаев, Зинькина 2017; Korotayev, Zinkina, Zlodeev 2018),

государство создало условия для внутреннего порядка, в то же время сам бюрократический и военный аппарат в последние века был сравнительно небольшим (см. ниже).

4. Система выдвижения на посты и сама идеология государственного управления резко отличались от аналогичных в других странах, равно как и система подготовки кадров. Отбор и квалификация подданных, способных выполнить миссию чиновника, всегда были главной проблемой политической теории и практики Китая. В идеологическом отношении экзамены на ученое звание стали краеугольным камнем конфуцианской традиции в Китайской империи (Крюков и др. 1987: 32–34).

5. Таким образом, китайское чиновничество довольно близко соответствовало признакам, сформулированным М. Вебером, хотя, конечно, черты сословности у китайского чиновничества были весьма заметными. Дело в том, что в Китае чиновничий аппарат не проникал до самых низовых структур, и поэтому функции чиновников на местах в значительной мере ложились на плечи представителей ученого сословия *шэньши* (см., например: Никифоров 1977: 211–213). Сам же аппарат в Китае был относительно невелик, например в начале XIX в. численность гражданских чиновников составляла около 20 тыс. человек, а военных – 7 тыс. (Крюков и др. 1987: 34).

6. Также отличалась и государственная идеология, которая была скорее национально-гражданской, чем религиозной (о чем мы уже неоднократно говорили в предыдущих главах).

При династии Цин была не просто усилена, но и доведена до высокого уровня система идеологической обработки населения (в большинстве своем неграмотного). Для этого использовались так называемые беседчики, назначаемые из числа лояльных жителей почтенного возраста (*сяньюэ*), которые обязаны были в определенные числа каждого месяца на своей территории проводить своего рода «политинформации», то есть разъяснять правительственные указы, правила морального поведения, а также вести записи хороших и плохих поступков жителей (это была также и система официальных доносчиков) (Симоновская 1974: 172). Кстати, и система контроля за населением, особенно за городским, была при династии Цин более строгой и тщательно разработанной, чем в любой период Средневековья (Там же: 171).

7. В Китае были введены в практику некоторые социальные явления, нехарактерные для развитых государств, например помощь во время голода и планомерная подготовка к ситуациям, когда такая помощь может потребоваться (Коротаев, Малков, Халтурина 2005а: 105–107; Skinner 1985: 283). Также в XVIII в., особенно при императоре Канси, были сделаны важные налоговые послабления на длительный период (Дикарев 1991: 67–69; Непомнин 2005: 106–107)²⁴.

Повторим, все эти черты – тем более в своей совокупности – характерны для зрелого, а не развитого государства.

Однако дальнейшее развитие Китая к середине XIX в. уже не могло идти в прежнем направлении, что и выразилось в исключительно глубоком и системном кризисе, усиленном жестоким столкновением с более развитыми в военно-техническом плане державами (см. выше).

Только во второй половине XIX в., когда изоляция Китая закончилась и начались попытки проведения так называемой политики «самоусиления» (примерно 1860–1894 гг.), можно говорить о движении Китая в сторону создания там зрелого государства классического типа. В этот период на основе возникшей доктрины усвоения «заморских дел», то есть овладения военно-техническими достижениями западных держав, правительство начинает делать шаги (хотя и не особенно удачные) в сторону индустриализации.

²⁴ В XIX в., однако, налоги и незаконные поборы значительно увеличились (см., например: Илюшечкин 1967: 19–21), что было одной из причин нарастания внутреннего кризиса. Хотя глубинной – и неустранимой без индустриализации – причиной кризиса было гигантское перенаселение страны.

ции страны, создания современных вооруженных сил и системы образования (см., например: Илюшечкин, Ипатова 1972: 207–227; Тихвинский 1974: 211–212). Но эти перемены шли очень трудно и встречали сильное сопротивление в высших слоях общества. Далее, как известно, Китай все сильнее попадал в зависимость от иностранных держав, а кризис государственной системы усиливался, пока революция 1911 г. не привела страну к хаосу, гражданской войне и фактической раздробленности (Непомнин, Меньшиков 1986; Гренвилл 1999: 86–92).

Развитие государственности, безусловно, происходило и в период нахождения партии Гоминьдана у власти, однако внешние и гражданские войны, децентрализация и прочее существенно осложняли это развитие. Поэтому только после победы коммунистов в 1949 г. и индустриализации 1950–1960-х гг. можно говорить о формировании зрелого государства в Китае. Но именно потому, что в этой стране существовало фактически многое из атрибутов зрелого государства, а в обществе имелись необходимые традиции и идеи, в конце XX в. Китай продемонстрировал очень быстрые темпы как экономического, так и политического развития, а также впечатляющую эффективность политики контроля за рождаемостью (правда, в последнем случае явно «перегнул палку»).

Характеристики государства в промышленном принципе производства и его трансформация в XIX – первой половине XX в. Для промышленного принципа производства было необходимо обеспечение стабильного в условиях быстрого роста экономики (и оказание всемерной поддержки такому росту). Наилучшим образом этого удалось достичь в рамках нового типа государства – зрелого²⁵. Это государство впервые в истории стало правовым, где власть монарха или представительного органа была легитимной, но ограниченной законом. В странах с преобладанием близких этносов стала формироваться единая нация. И в многонациональных государствах связь государства и наций (народов) оказалась более заметной, чем ранее. Наиболее удачный баланс между государством и экономикой сложился в Англии, где и начался совершенно новый этап развития производительных сил – завершающая стадия промышленной революции (промышленный переворот). Затем процесс создания машинного производства затронул и ряд других стран. А это вело к изменению роли государства.

Процесс перехода государства от поддержки аристократии и дворянства, крупных финансистов, торговцев и торговых монополий к поддержке собственной промышленности в тех или иных странах проходил по-разному, но гладким не был нигде. Осознание того, что именно крупная промышленность и связанная с ней торговля – главный источник национального богатства²⁶, пришло далеко не сразу. И лишь постепенно представители крупной и средней буржуазии добились права активно участвовать в определении внутренней и внешней политики. С ростом влияния буржуазии началось превращение государства в организацию, стоящую на страже интересов собственников и буржуазии, в меньшей степени озабоченную судьбой основной массы населения.

Крупное промышленное производство машинного типа требует расширенного воспроизводства. А последнее, в свою очередь, обязывает государство создавать и постоянно поддерживать целый ряд условий. Многие из них стали создаваться еще в предшествующие эпохи, но теперь складывались в единую систему. Помимо устойчивого денежного обращения, четкого судопроизводства, большой свободы деятельности требо-

²⁵ Мы исходим из типологии эволюционных типов государства: архаическое (раннее) – характерно для Древнего мира и Средних веков, характеризуется слабой централизацией, бюрократизацией и недостаточной связкой между социальной структурой общества и государством; развитое – централизованное, с наличием бюрократического аппарата государства поздних Средних веков и Нового времени. Зрелое – государство индустриальной эпохи и урбанизма с современным аппаратом чиновников и высоким уровнем участия населения в политической жизни (см. подробнее: Гринин 2010б).

²⁶ А не земля и сельское хозяйство, как считалось в течение многих веков и как, например, утверждали физиократы (см.: Блауг 1994: 30; Жид, Рист 1995: 47).

вались также определенные правительственные гарантии, общественный порядок и мир, воспроизводство рабочей силы и специалистов (для чего, в частности, развивалась система образования и здравоохранения, библиотек и т. д.), соответствующие общественное мнение и уважение со стороны властей, поддержание и расширение зарубежных рынков сырья и сбыта, отстаивание промышленных интересов в международных делах и т. п. Надо отметить, что налоги для предпринимателей стали весьма щадящими, в то время как экономисты XVII–XVIII вв. особенно критиковали неразумные и вредные налоги (Петти 1993[1662]; Смит 1935). Нельзя не видеть и огромной роли государства в поощрении строительства железных дорог, телеграфа и других путей сообщения и средств связи, без чего столь стремительное увеличение объемов производства было бы невозможным.

Но начиная с 1830-х гг. дальнейшие трансформации привели к изменению позиции государства. Особенно это стало заметно на высших этапах промышленного принципа производства с конца XIX в. С одной стороны, классовые конфликты в общественном развитии ряда стран стали занимать очень большое место. Поэтому функционированию фабричной промышленности и положению связанных с ней социальных групп правительство стало уделять больше внимания. С другой стороны, при расширении демократии правительство хотя и явно сочувствовало имущим классам, но все же вынуждено было отказаться от принципа невмешательства в отношения капиталистов и рабочих²⁷. В результате во второй половине XIX – первой половине XX в. был достигнут определенный, хотя и не всегда устойчивый, компромисс между классами, возросло влияние рабочих партий и профсоюзов.

С конца XIX в. в результате концентрации производства резко усилилось влияние монополий и олигополий. Следствием стремления финансово-промышленной олигархии подмять под себя мелкий и даже средний бизнес стали особого рода конфликты между демократией и крупным капиталом. Поэтому государственная политика колебалась между интересами монополий и большинства населения как основного избирателя. (Ведь избирательное право теперь значительно расширилось.) Наиболее известный пример – антитрестовские законы в США. Демократическое государство все чаще выступало арбитром в социальных спорах, следовательно, все более становилось надклассовой силой, а режимы авторитарного типа с частной собственностью обрекались на революции, которые, как представляется, стали особым способом трансформации и модернизации обществ в Новое и Новейшее время (Гринин 2003б: 73–74; см. также: Хантингтон 1997). Роль государства в регулировании экономики возрастала²⁸, тем более что экономическое соперничество передовых стран приобретало все более острые формы. Но в целом еще господствовала установка невмешательства в естественный ход дел, которая, однако, трансформировалась в идею о том, что неприемлемо лишь вмешательство в бизнес, а прямая помощь государства предпринимателям вполне допустима и даже желательна (см. об этом: Шлезингер 1992: 334). Так продолжалось до 30-х гг. XX в.

Реальная классовая структура более подвижна, чем сословная (см., например: Маршалл 2005[1950]: 21). Но и она предполагает наличие определенных внеэкономических по преимуществу моментов, закрепляющих классовое неравенство. При анализе классовой структуры капитализма чаще обращают внимание именно на экономические разли-

²⁷ Нельзя забывать, что рост промышленного производства – это и рост городов, что не может не заботить власти, которые и сами в этих городах располагаются, и вынуждены реагировать на любые конфликты в них. Рост городов – это, в свою очередь, тесная связь бизнеса и властей в сфере городского строительства и т. д. (о связи урбанизации и зрелого государства см. подробнее: Коротаев, Гринин 2007; Korotayev, Grinin 2006; Гринин, Коротаев 2009б; Гринин, Коротаев, Малков 2010).

²⁸ Недаром же 1920–1930-е гг. Дж. Бернхейм определил как начало перехода от капиталистического или буржуазного общества к типу, который он назвал менеджерским (Burnham 1941: 71) и который позже назывался по-разному – от нового индустриального до программируемого.

чия классов и гораздо реже – на момент их политического и правового неравенства. Однако если взять буржуазное общество XIX в., то легко можно увидеть политические и юридические ограничения низших классов, поддерживающие экономическое могущество высших, в частности избирательный ценз. Так, например, в Англии в первой половине XVIII в. избирательным правом пользовались менее 250 тыс. человек, то есть меньше 5 % населения (Татарина 1958: 238; Даль 2000: 28–29). Перед парламентской реформой 1832 г. право голоса в Англии имели менее 500 тыс. человек, а после реформы – чуть более 800 тыс. (Мещерякова 1986: 300). Парламентская реформа 1867 г. расширила это число почти до 2,5 млн, однако в Англии в это время жили уже 30 млн человек (Кертман 1968: 331), то есть правом голоса пользовались лишь 8 % населения. Даже в конце XIX в. право голоса в Великобритании имели только 29 % взрослого населения (Григорьева 2001а: 11; Даль 2000: 29). До революции 1848 г. число избирателей во Франции было ничтожным: всего 250 тыс. человек (Адо 1986б: 314). Неудивительно, что Алексис де Токвиль в своем исследовании демократии в США (Токвиль 1991[1835–1840]) говорил о всеобщем избирательном праве для мужчин в этой стране как о ее исключительной особенности. Но и в Соединенных Штатах негры не имели избирательного права. Другим важным классовым барьером во всех странах была невозможность получения образования, почти во всех – ограничения в свободе объединений и ассоциаций, вплоть до применения уголовных наказаний за участие в них и в стачках, и тому подобные вещи, которые в течение XIX в. сократились или сошли на нет²⁹.

Однако в обществе, где экономически в юридическом смысле люди равны и существует свобода хозяйственной деятельности, где устойчивость социального строя базируется на быстро расширяющейся и модернизирующейся экономике, а для такого расширения требуется все больше грамотных и образованных людей, слишком долго такие политические и правовые барьеры между классами существовать не могли. И по мере того как эти указанные выше «подпорки» исчезают, а население обретает равные политические и иные права, классы начинают размываться и превращаться в более дробные и менее сплоченные группы (страты, слои). Именно так стало происходить в Европе, где с расширением прав и свобод классовая структура сначала стала более зрелой, а потом стала размываться и заменяться другой. Такая трансформация зрелого государства связана с очень быстрыми изменениями в производстве, включая усиление миграционных процессов, создание конвейерного производства, рост образования, новой сферы услуг, превращение женского наемного труда в массовое явление и другие вещи (о некоторых из них см., например: Dahrendorf 1976; Wesolowski 1976; Маршалл 2005[1950]: 23; Миллс 1959). Достаточно сказать, что промышленное производство в мире с 1890 по 1913 г. выросло почти в четыре раза (Соловьев, Евзеров 2001: 280).

Важнейшие черты такой социальной структуры:

- формирование так называемого среднего класса, который постепенно стал ведущим по численности (Фишер 1999: 89; см. также: Бунин, Назарова 1982: 204–209; Рамзес 1981: 248)³⁰;
- усиление таких признаков социальной стратификации, как образование и рост социальной мобильности (Фишер 1999: 91). Соответственно значительно выросла доля наемных служащих (см., например: Песчанский 1981: 231; Делиц 1983: 265; Дахин 1983: 212);

²⁹ Вот любопытные цифры, которые показывают значимость такого рода барьеров. Из-за образовательного ценза в 1860-е гг. в выборах на севере Италии мог участвовать каждый 12-й житель, а на юге – только каждый 38-й (Григорьева 2001б: 166). Естественно, что при всеитальянских выборах политически юг страны оказывался бесправным.

³⁰ Уже в начале XX в. в промышленно развитых странах к нему относили себя примерно 10 % населения (Гаджиев 2003: 15).

- рост значения социального законодательства и законов, ограничивающих поляризацию общества (таких как высокие налоги на наследство и т. п.)³¹;
- усиление значения таких факторов, которые ранее не являлись ведущими в рамках общенациональных и общегосударственных (они были, можно сказать, важными для низовых ячеек общества): половые, возрастные и профессионально-групповые характеристики. Но эти характеристики уже скорее свидетельствовали о том, что зрелое государство вступает в свой третий этап (переходного государства), за которым маячит новая политическая форма.

В течение XX в. социальная политика претерпевает новые очень сильные изменения, в том числе и в области перераспределения доходов. Особенно заметен этот процесс стал в период после Первой, а еще более – после Второй мировой войны. Это достигалось, в частности, с помощью высокого прогрессивного налога на доходы (см., например: Фишер 1999: 86–87). Другой инструмент, тесно связанный с первым, но, может быть, еще более важный – социальная помощь менее обеспеченным, оказавшимся в трудном положении.

Неизбежность перехода государства к такой социальной политике определялась многими вещами. Но особенно важно указать, что зрелые государства с их демократическим режимом и постоянно изменяющимся производственным и техническим базисом оказались в положении, при котором политическая и социальная системы не могли оставаться без изменений. Иначе в обществе возникало слишком сильное напряжение, ему грозил революционный взрыв (см. подробнее об этом: Гринин 2013в; Гринин, Коротаев 2012); опыт революций, кстати, весьма способствовал такому изменению во взглядах государственных деятелей, подобных О. фон Бисмарку. Демократический строй так или иначе требует опоры на большинство избирателей, а поскольку большинство из них по своему социальному положению были наемными работниками, они, естественно, желали перераспределения доходов от буржуазии в свою пользу и социальных гарантий, которые могло дать только государство. Рано или поздно не одни, так другие политические силы должны были реализовать эти требования. Кроме того, следует учитывать, что почет и уважение высшим слоям дают не только их могущество, но и длительность пребывания их на вершине, а во многих странах (особенно в США) нувориши еще не успели освятить свое лидерство долгим сроком – слишком стремительно они поднялись на Олимп.

В некоторых случаях такие социальные законы были приняты еще в XIX в. В частности, в Германии первые законы о социальном страховании были приняты при Бисмарке (Патрушев 2001: 76; Гренвилл 1999: 17)³². Это была передовая в данном отношении страна. К 1900 г. страхованием на случай производственных травм в Германии был охвачен 71 % всех рабочих, системой пособий по болезни – 32 %, пенсионным обеспечением по старости (за счет взносов рабочих, предпринимателей и государства) – 53 % (Григорьева 2001а: 23). В Англии первые законы о социальном страховании, в частности о пенсиях, начали принимать уже в начале XX в. (см.: Пономарев 2003: 171).

Но фактически вся первая половина XX в. – это борьба вокруг таких законов. Например, во Франции еще в 1936 г. правительство Народного фронта ввело законы о 40-часовой рабочей неделе и двухнедельном отпуске. В конце XX в. отпуск во Франции

³¹ В последние десятилетия XX в. в развитых странах нижний слой сократился, в разных государствах от 3 до 14 %, верхняя элита также составляла до 5–10 %, остальное – это ряд слоев, которые так или иначе можно отнести к среднему или ниже-среднему классу (см.: Фишер 1999: 89), тогда как к низшему классу в начале XIX в. можно было отнести до двух третей населения (см.: Там же).

³² О. фон Бисмарк в отношении рабочего и социалистического движений вообще действовал весьма неординарно. Например, он пытался ввести в уголовный кодекс статью о наказании за «разжигание классовой ненависти» (Патрушев 2001: 73).

достигал уже пяти недель (Смирнов 2000: 53). Идеологию и взгляды на этот счет во многих странах резко изменили глобальные социально-экономические события: революции, пример СССР, мировой экономический кризис и др. «Правящим кругам пришлось отказаться от принципа, который ранее считался фундаментальным и суть которого заключалась в том, что улучшение материального положения масс должно достигаться благодаря их собственной предусмотрительности, а государство должно ограничиться созданием правовых и организационных рамок, вроде сберегательных касс или юридического признания обществ взаимопомощи. ...Они согласились с тем, чтобы государство пошло дальше и оказало помощь в борьбе с некоторыми угрожающими явлениями, как, например, с болезнью или старостью... допускали, что государство может расходовать на это государственные средства» (Шлепнер 1959: 254–255). И далее этот курс только усиливался и развивался, пока западноевропейские и другие развитые страны не стали государствами «благоденствия» (см. об этой динамике социального развития: Фишер 1999: 335–351). В результате развития социальных программ государство вновь, по выражению Й. Шумпетера, стало «налоговым», так как налоговые изъятия существенно выросли по сравнению с периодом классического капитализма³³. Также появилось много чисто социальных налогов: отчисления на занятость, пенсии, здравоохранение, жилье и т. п. (см., например: Черника 1995: 255, 272–273).

В XX в. по мере возникновения социальных революций и конфликтов, роста роли государства в социальной помощи населению, а также формирования так называемого среднего класса зрелое на своем последнем этапе государство постепенно становится из чисто классового уже *социальным* государством, то есть государством, которое проводит активную политику поддержки малоимущих, социально незащищенных, ограничивает рост неравенства. А в 50–60-е гг. XX в. США и ряд европейских западных стран и вовсе взяли курс на то, чтобы стать государствами всеобщего благоденствия и обществами массового потребления. Но это уже означало, по нашему мнению, что зрелое государство приобретает некие нехарактерные для него черты и развивается в нечто новое (см. подробнее: Гринин 2010б).

Конвергенция в развитии государственности в XIX–XX вв. Итак, Великая дивергенция подняла и уровень государственности в Европе на очень большую высоту. Однако стоит заметить, что новый процесс конвергенции – на этот раз Великой конвергенции, о которой мы упоминали выше и будем подробнее говорить в следующей главе, – едва ли не раньше всего начался именно с реформ в государственном управлении. При этом некоторые страны (такие как Египет или Турция) открыто ориентировались на Европу и европейских специалистов, а такие как Япония даже стали внедрять и европейские институты (парламент и министерства).

Процесс конвергенции в этой области происходил много десятилетий и идет до сих пор. Значительные успехи в этом направлении сделали Япония, Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Индия. Китай, как обычно, развивается собственным путем, но и все остальные страны также имеют очень важные особенности.

В то же время с начала XX в. (после поражения Турции в Первой мировой войне) и в результате антиколониального подъема организуются государства в обществах, которые ранее вообще не знали государственности (имея только политии на уровне аналогов ранних государств). Таковыми были территории Саудовской Аравии и других стран Пер-

³³ Налоговые изъятия достигали 40 % и даже более с прибыли и 50 % и более с личных доходов (см., например: Черника 1995: 269–270; 283, 284). Налоги стали несколько снижаться только в 80-е гг. XX в. в связи с принятием неоконсервативного курса (корректирующего кейнсианство) в экономической политике ряда государств, таких как США, Англия и др. В частности, в США в 1986 г. потолок личных подоходных налогов сокращался с 50 до 28 %, а максимальная ставка налога на прибыль корпораций – с 46 до 34 % (Повалихина 2002: 434).

сидского залива, Йемена, Иордании, которые входили в состав Турции как весьма отстающие окраины либо были более развитыми провинциями, но не имели самостоятельности (Ирак, Сирия, Палестина, Ливан и др.)³⁴. В этих ближневосточных странах, как мы уже писали, слабость государственности, помноженная на особенности ислама, радикальное направление которого препятствует формированию сильного, стабильно развивающегося и устойчивого государства, является одной из главных причин периодически возникающей нестабильности. Точнее говоря, ислам в симбиозе с общим недостаточно высоким уровнем развития общества (см. выше в *Главах 2 и 3*, а также в *Главе 6*) препятствует возникновению такого государства с демократическим устройством (монархические режимы были и остаются достаточно устойчивыми, но там, где они свергаются, как в Йемене, Ливии, Ираке, Иране или Афганистане, возникает нестабильность). Прямое и косвенное воздействие западных стран в направлении демократизации, борьбы с коррупцией и т. п. (а это одна из главных движущих сил политической конвергенции) в итоге пока не ведет к ощутимому прогрессу.

К настоящему времени Запад создал довольно совершенное государство и слой нового типа бюрократии (см. выше). Но необходимо ясно понимать, что уровень государственного управления не может существенно превосходить уровень развития производства и культуры. А в требованиях Запада к развивающимся странам, по сути, негласно и неосознанно проводится совсем другая идея. То есть Запад, игнорируя тот фундаментальный факт, что азиатские (тем более африканские) страны колоссально отстают от него в области промышленности, сельского хозяйства, образования, науки и культуры, фактически требует, чтобы уровень государственного управления и культуры, выборных процедур, бюрократической этики в них был бы приближен к западному стандарту. Это невозможно решить коренным образом, хотя, безусловно, давление Запада и приводит к некоторым улучшениям в этом направлении (но в основном внешним и косметическим).

Для повышения уровня государственного управления, административной этики и культуры (в том числе снижения коррупции) прежде всего необходимо вывести производство, образование, культуру и социальную политику на должный уровень. Именно эти направления являются главными в современном процессе Великой конвергенции. При этом такой подъем или даже стремление к нему, усилия для его осуществления неизбежно повлияют на государственные институты.

Вот почему необходимо признать, что политическая конвергенция в настоящее время не может быть однозначной и прямой (то есть в виде чистой вестернизации политического режима и строя). Она может быть, образно говоря, параллельной, то есть выводящей восточные страны на новые уровни, повышающие стабильность и ответственность государства, а затем уже к этому могут подтягиваться и демократические процедуры (как случилось, скажем, в Южной Корее).

Опыт Сингапура, Гонконга, некоторых других высокоразвитых азиатских обществ свидетельствует, что решительно повысить уровень государственного управления и в других развивающихся странах со временем (и все-таки далеко не во всех) в принципе можно. Но данный опыт показывает, что к этому ведут разные пути, и не все из них связаны с демократией.

³⁴ В 1918 г. получает международное признание Йеменское государство со столицей в Санае. В 1926 г. на Аравийском полуострове в результате междоусобной войны произошло объединение Неджда и Хиджаза под властью Ибн-Сауда, а в 1932 г. создано королевство Саудовская Аравия (кстати, с помощью США [Белокреницкий 2010: 92]). Государства в Ливане и Сирии официально создаются в 1926 и 1930 гг. под французским протекторатом; из-под контроля Франции они выходят в годы Второй мировой войны, и уже в 1945 г. входят в число стран – учредителей ООН. В 1932 г. также обретает независимость Ирак, в 1946–1949 гг. – Иордания, и лишь в 1971 г. окончательно из-под британского протектората выходят Катар, Бахрейн и несколько эмиратов, вскоре после выхода из протектората объединившихся в ОАЭ.

Приложение 1

Восточный и западный типы ранних государств

1. Две модели несоответствия между ранним государством и обществом

1.1. Взаимодействие политических и социальных процессов

Существует множество вариантов соотношения политических и социальных структур общества. Власть может опираться на какие-то важные отношения и традиции либо, напротив, уничтожать их³⁵. Иногда государство прямо копирует в своей иерархии принципы определенных социальных институтов³⁶. Чаще власть ломает одни и поддерживает другие институты³⁷.

Так или иначе, под действием многих причин в рамках раннего государства происходят значительные изменения, возникает сложное переплетение различных тенденций и процессов. Где-то именно государственные проблемы становятся спусковым крючком для крупных изменений. Так, тяжесть бремени военной службы во Франкском королевстве в VIII–IX вв. (особенно в империи Карла Великого) привела к массовому переходу крестьян (причем вполне хозяйственно крепких) под власть и юрисдикцию сеньоров и монастырей (Гуревич 1970: 145–183). И как ни боролось государство с этим проявлением «коварства и хитрости» со стороны населения (Там же: 170–171), постепенно его подданные превратились в зависимых людей сеньоров и церкви.

Во многих случаях социальные процессы опережали развитие политической сферы. Таким было появление городов в Западной Европе. Где-то политические и социальные процессы шли параллельными курсами. Например, в Индии кастовая система образовалась без особого вмешательства государства. «Медленно и почти неощутимо, словно это было предначертанием судьбы, касты росли, распространялись и зажали в своих губительных тисках все области жизни» (Неру 1989: 184). В то же время власть осуществляла свою политику, не обращая особого внимания на эти социальные изменения.

Однако встречались уже достаточно развитые в административном плане ранние государства, где зрелость аппарата и бюрократии давила на структуру общества, подгоняя ее под постоянно меняющиеся нужды власти.

В целом же в плане соответствия государства и общества я выделяю две противоположные ситуации, при этом в одних государствах наблюдалась одна, а в других другая – диспропорция (но, конечно, могли быть и иные варианты):

1. Развитие политических (административных) моментов опережает развитие социальных и идеологических и часто затормаживает и/или искажает их, препятствуя развитию более адекватной социальной структуры общества.

2. Социальные (религиозные) институты обгоняют политические, государство не способно органично приспособиться к новым реалиям, что в конечном счете ведет к кризису.

Поскольку второй случай в истории был более распространенным, начнем с него.

³⁵ Например, считаться с общиной, как в Индии, или заменять ее искусственными объединениями (пяти- и десятидворками), как это было в древних Китае или Перу.

³⁶ Например, в Бенине повсеместно копировались общинные отношения. Бондаренко называет эту систему *мегаобщинной* (см. подробнее об этом: Bondarenko 1995; Бондаренко 1995; 2001). В Китае до середины I тыс. до н. э. в государственном устройстве копировались отношения родственной иерархии (Крюков 1974; 1988).

³⁷ Сравните, например, как законодатель в Древней Спарте (в традиции – Ликург) ломает институт семьи и собственности, отрывая детей от родителей и запрещая деньги, и доводит до гипертрофии отношения военного братства. Напомню, что в Спарте слабых ново-рожденных убивали, мальчиков с 7 лет забирали навсегда от родителей, а обедать спартиаты должны были коллективно (Плутарх. Ликург. XVI, X; Сергеев 2002: 163, 167–168).

1.2. Несоответствие как недостроенность и неполнота государства

Большинство ранних государств являлись «недостроенными», то есть в них не хватало тех или иных органов, административных отношений, была слабой централизация и т. п. Поэтому их смело можно назвать *неполными* государствами.

Подчеркну, что мы говорим сейчас не о зачаточных ранних государствах, в отношении которых легко сослаться на незавершенность процессов³⁸. Речь идет о раннем государстве уже второго (среднего, типичного) этапа, то есть имеющем довольно длительную историю. **Таким образом, неполнота государственной организации – это характерная черта большинства ранних государств.**

Она выражается как в неполноте государственных органов и принципов организации, так и в непропорциональности государственной организации, когда наряду с весьма развитыми моментами существует еще масса архаики и негосударственных, по сути, вещей. Так, в Индии, например, развитая бюрократическая государственная система сосуществовала с почти полностью автономными крупными деревенскими общинами (иногда в несколько тысяч человек) и кастовыми объединениями (Алаев 1981); а в европейских странах королевский суд сосуществовал с вотчинным, общинным, церковным (Петрушевский 2003). Но наиболее наглядно это проявляется в неполноте и слабости административного аппарата и двух других признаков триады (налоги, территориальное деление). Кроме того, это может быть заметно:

- в недостаточной эффективности центра;
- в слишком большой роли и самостоятельности крупных земельных собственников;
- в чрезмерной автономии окраин;
- в наличии архаичных способов комплектования служащих и армии.

В результате государство порой не может влиять на важные процессы, происходящие в обществе, либо не способно препятствовать дезинтеграции. Нередко молодая держава вскармливает мощный слой новой знати, которая перестает считаться с породившим ее государством и начинает формировать под себя социальные процессы. Ярким примером является титулованная знать средневековой Европы, которая превращает надель за службу в частную собственность, закрепощает крестьян, лишает королей тягловцев и воинов и, в конце концов, делает королевства номинальными понятиями. В чем-то похожие процессы шли на Руси, а также во многих других странах, начиная с глубокой древности. Недаром же есть сторонники теорий «вечного феодализма», наличия феодальной формации в древности и т. п. (см. подробнее: Никифоров 1977: 46–60).

Подобные процессы прослеживаются в Китае эпохи Западного, а потом и Восточного Чжоу, начиная с IX до н. э. В Западном Чжоу, возникшем в результате завоевания чжоусцами древнекитайского государства Шан-Инь в конце XI в. до н. э., существовала следующая система. Вся территория, которая не примыкала к двум его столицам, делилась на уделы (числом приблизительно 70), предоставлявшиеся в наследственное владение и управление родственникам и приближенным правителя. В рамках самого удела также действовала система политического старшинства по генеалогической близости к удельному правителю. Естественно, что любое ослабление центра вело к усилению распадных явлений (Васильев 1993: 187–189; см. также: Крюков 1974: 14–15; 1988; Крил 2001).

Другими словами, весьма часто этап *типичного* раннего государства оказывается периодом феодальной раздробленности. Поэтому не лишено смысла утверждение, что «политическая раздробленность в эпоху раннего феодализма – не признак слабости государства, а естественное в тех условиях его состояние: то был иерархизированный союз вассалов и сеньоров, опиравшийся на систему личных связей, преобладавшую в том обществе форму социальных отношений» (Гуревич 1970: 60). В некоторых случаях, как в

³⁸ Зачаточные государства, как правило, были весьма слабыми в организационном плане (даже если и владели большими территориями) и часто представляли собой только военно-политическую надстройку, контролирующую наиболее ценные и относительно легко концентрируемые ресурсы.

Германии, вообще не удалось создать централизованное государство, поскольку немецкие феодалы оформили особые институты, закрепляющие их привилегии и самостоятельность.

Крупные державы, возникшие в результате завоеваний, неизбежно распадались или резко уменьшались в размерах. Редко империи оставались могущественными более ста лет подряд. Неоднократные взлеты и падения Ассирии в XIII–VII вв. до н. э. – наглядный пример этому (см.: Садаев 1979). Но даже когда государство было сильным в военном отношении, чтобы долго удерживать провинции в своей орбите, все равно обычно оно являлось недостаточно развитым, чтобы по-настоящему интегрировать различные свои части. Существовал дисбаланс между государственностью центра и окраинами (см. об этом: Thapar 1981: 411). Поэтому такие государства, как, например, Римская и Карфагенская республики или империя Маурьев в Индии, империя Карла Великого, Великое княжество Литовское XIV в. и многие другие крупные государства, были не интегрированной системой, а, скорее, конгломератом земель³⁹. В них существовала система особых связей центра и каждого народа, каждой области или территории⁴⁰. При этом одни имели больше прав, другие – меньше, третьи оказывались почти равны победителям, зато с четвертыми обращались очень сурово⁴¹.

В малых (отчасти и в средних) государствах уже из-за самих размеров аппарат обычно был недостаточно развит и отделен от населения. Ведь в таких масштабах многие вопросы эффективно решались иными, чем государственный приказ или контроль, способами (например, частными лицами; путем прямого волеизъявления или участия в каких-то делах). Здесь рост государственности был в первую очередь связан с необходимостью вести успешные войны, иногда организовывать внешнюю торговлю. Важной могла быть роль государственной власти в улаживании социальных конфликтов, как это было в Афинах и некоторых других греческих полисах, отчасти в раннем Риме (между плебеями и патрициями). В результате те или иные стороны и черты государственности усиливались, а другие отставали. Какие именно, зависело от особенностей политий. Спартанский, афинский, финикийский, а также – до определенного момента, пока они оставались малыми государствами, – карфагенский или римский пути – это только некоторые из вариантов развития.

1.3. Несоответствие как избыточность государства.

Общая характеристика «избыточных» государств

Итак, большинство ранних государств оказывались недостроенными. Однако были и такие, в которых государственный контроль, напротив, достигал очень высокой степени

³⁹ Тем более плохо спаянным конгломератом были более примитивное государство ацтеков и подобные ему (см., например: Вайян 1949: 151–154). Правда, по поводу степени централизации в ацтекском государстве имеются большие расхождения от признания того, что это была деспотия типа восточной, до того, что это лишь федерация городов (см.: Баглай 1995: 233). Но такие расхождения, думается, и вызваны двойственностью многих ранних государств: сильной властью в центре и достаточно поверхностной на окраинах. Коротаяев высказывал мнение, что большинство империй представляли собой мультиполитии, то есть образования, имеющие собственно государство в центре и разного рода политии на периферии (Коротаяев и др. 2000: 42–45; Koryayev *et al.* 2000: 23; см. также: Коротаяев 2000а; 2000б).

⁴⁰ Что касается Карфагена, то в V веке до н. э. он «представлял собой чрезвычайно сложный государственный организм, конгломерат городов, областей, племен и народностей, находившихся на различном уровне общественного развития, экономически и политически слабо связанных между собой» (Шифман 1963: 96). И, по сути, оставался таким и позже (см., например: Циркин 1979). Относительно Индии см.: Бонгард-Левин 1973: 67, 81.

⁴¹ Римляне определяли такую политику как принцип «разделяй и властвуй». Его придерживались и карфагеняне (см.: Шифман 1963: 97). При известных условиях он может быть достаточно эффективным. Но для нас важно отметить, что в сложившемся государстве такой принцип построения в качестве главного уже не годится. Напротив, развитое государство все сильнее стремится к централизации и унификации, хотя, конечно, особые отношения провинций и территорий с центром (королем) полностью не уходят и в нем.

развития, а аппарат мог быть даже чрезмерным. Если слабые правительства порой не могли в достаточной степени мобилизовать силы страны, наталкиваясь на своеволие знати и наместников, здесь государство, напротив, подавляет общество, пытаясь перестроить его полностью под свои задачи. При этом такие государства брали на себя функции основного распорядителя благ, организатора и контролера производства и распределения⁴². Такая чрезмерность государства возникала, прежде всего, в условиях натурального хозяйства, как это было, например, в империи Инков. Однако увлечение «учетом и контролем» могло иметь место и в обществах с определенным уровнем товарно-денежных отношений, если там преобладали натуральные государственные повинности. Ведь сбор, хранение, перевозка и распределение продуктов по сравнению с деньгами являются более трудным и громоздким делом. Торговля, если и существовала, не играла заметной роли либо была подчинена власти⁴³.

В Японии сверхбюрократизация была связана с попыткой заранее определить место каждого и «просчитать» наперед любую возможную ситуацию, добиться максимальной предсказуемости во всех областях государственного процесса, однозначности любой ситуации. При этом иерархичность бюрократии была столь тщательно продуманной, что «ни один член государственного организма не мог быть равен другому» (Мещеряков 2003: 76).

В качестве исключительно яркого примера такого государства можно назвать шумерское государство третьей династии Ура в Месопотамии (XXI в. до н. э.). Первые храмовые шумерские города-государства в Междуречье возникли в конце IV тыс. до н. э. Затем начинается период их соперничества, в результате которого через тысячу лет (конец XXIV в. до н. э.) тут образовалась первая империя – государство Саргона и его преемников со столицей в Аккаде. Через некоторое время оно пало под ударами кочевников кутиев. Когда же эти захватчики в результате восстания были изгнаны, в Месопотамии образовалось новое крупное государство под руководством города Ура (конец XXII – XXI в. до н. э.). Это была III династия Ура, о которой я уже несколько раз упоминал. Через сто с лишним лет и оно распалось под ударами новых кочевников амореев. В этом бюрократическом государстве социально господствующий класс начал формироваться на основе принадлежности к государственной службе, а низший соответственно складывался из работников государственных хозяйств. И в целом развитие пошло в сторону превращения большинства населения в государственных рабов или крепостных в виде так называемых рабочих отрядов и прочих институтов. Это было неперспективным и вызывало кризисные явления еще до нашествия амореев (см.: Васильев 1993: 91; Виткин 1968: 433–434; Дьяконов 2000в: 64–65; Тюменев 1956: 266–300). По образному выражению Виткина, это шумерское государство принимает антиобщественную форму (1968: 434).

Это была удивительная и исключительная (а вовсе не типичная, как обычно трактуют) для Древнего мира держава, где все оказалось обюрокращенным, где контроль достиг апогея. Цари этой династии оставили больше, чем остальные месопотамские цари, письменных документов (глиняных табличек), на которых фиксировалось все, вплоть до голубя, поданного к столу. Но чем больше отношений регулировалось, тем к большей системе контроля государство стремилось, подменяя вполне эффективные негосударственные традиционные (например, семейные, общинные, религиозные) и рыночные механизмы. Поэтому сами правители вовсе не считали, что государственный аппарат и его функции избыточны. Напротив, такое тотальное государство могло испытывать нужду во все новых контролерах и надсмотрщиках, полагая, что его проблемы порождены как

⁴² Например, при третьей династии Ура в Месопотамии «ремесло и торговля в сколько-нибудь широких масштабах являлись фактической монополией царского хозяйства» (Дьяконов 1959: 262). Даже позже, при Хаммурапи, частных купцов стремились оформить как чиновников (Дьяконов 1983: 367).

⁴³ Например, в Месопотамии товарно-денежные отношения имели развитие, но государство собирало налоги в основном в натуральном виде и оплачивало услуги воинов и других царских людей выделением надела и другими натуральными способами (Козырева 2000: 89–91; Васильев 1993: 93).

раз недостаточным учетом⁴⁴. Так, например, один из царей III династии Ура в Месопотамии Шульги (2093–2046 гг. до н. э.) личным указом велел брать в школы больше детей, в том числе из незнатных и нечиновных семей (см.: Емельянов 2003: 85–86), поскольку служащих, призванных следить за всем, хронически не хватало. Месопотамский бюрократизм при Шульги, кажется, достиг своего зенита, и, возможно, вовсе не случайно именно этот царь оказался единственным из шумерских правителей обожествленным (см.: Грантовский 2004а: 42).

Поэтому об избыточности таких отдельных ранних государств я говорю с точки зрения эволюции, поскольку эти модели в конце концов оказались неэффективными и зашли в тупик. Будущее развитие показало, что следить за всем – задача для государства непосильная. И не случайно, что с развитием рыночного хозяйства попытки создать «государственный коммунизм» прекращаются, хотя рецидивы тотального государственного контроля имели место и позже, например в Птолемеевском Египте.

«Избыточные» архаические государства представляют большой интерес в плане указанного выше несоответствия между государством и обществом. С точки зрения самого административного устройства они во многом не уступают ряду развитых государств, а то и превосходят отдельные из них. Однако такие государства все же не могут считаться развитыми. Почему? Дело в том, что административно-политическому уровню заметно не соответствовал уровень экономического, социального и этнического, а в некоторых случаях и культурного развития общества. А развитое государство не может существовать в обществе с натуральным хозяйством, рыхлой и неустойчивой этнической и социальной структурой⁴⁵.

Некоторые из этих государств, однако, могут считаться аналогами развитых государств (как государство третьей династии Ура).

Ниже рассмотрим два из таких «избыточных» государств ниже рассмотрены более обстоятельно. Мы выбрали весьма яркий пример *типичного* раннего государства: Египет Древнего царства. Что касается Месопотамии при Хаммурапи, то его, как и государство третьей династии Ура точнее характеризовать как аналог развитого государства, но неполный аналог, поэтому оно еще весьма напоминает и *переходное* раннее государство. В настоящем аппендиксе мы акцентируем внимание, прежде всего, на системных несоответствиях между этими государствами и обществами.

2. Египет Древнего царства

2.1. Проблемы интерпретации социального строя

Хотя сведений о Египте несравнимо больше, чем об инках, но в отношении **Древнего царства**, то есть периода, который мы рассматриваем, источники информации сохранились крайне неравномерно⁴⁶. В результате об обществе Древнего царства по многим важнейшим моментам с уверенностью сказать можно даже меньше, чем об инках.

⁴⁴ Вспомним, как в последние годы советской власти утверждалось, что дефицит товаров порождается плохим контролем за распределением. И появлялись чиновники, которые следили за тем, как дефицит распределяется в рабочих коллективах, составляли все новые и новые списки льготников в магазинах, а также ревизоры, которые все это проверяли. Но дефицит только усиливался. Вот это и есть избыточность, поскольку для решения таких проблем нужны иные методы.

⁴⁵ Все же некоторые из таких наиболее четких бюрократических государств можно считать *неполными аналогами* развитых государств, что и отражено в табл. 2 в приложении, (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2006).

⁴⁶ История классического Египта обычно делится на Раннее царство (3000–2800 до н. э.), Древнее царство (2800–2250), Среднее царство (2050 – ок. 1700) и Новое царство (1580 – ок. 1070). Я, разумеется, не останавливаюсь здесь на существенных расхождениях в хронологии. Между Древним и Средним, а также между Средним и Новым царствами существуют так называемые междоцарствия, то есть периоды децентрализации страны. После Нового царства выделяют так называемый Поздний период (XI–IV вв.), в течение которого Египет завоевывали ливийцы, цари Куша (Эфиопии), ассирийцы, персы, и Греко-римский период

Поэтому выполнить нашу задачу, то есть сравнить уровень развития государственности и самого общества, оказывается, весьма сложно. Дело в том, что нет ясности в отношении социальных характеристик большинства населения египетского общества Древнего царства. Известно, что существовали крупные царские и так называемые вельможные хозяйства и соответственно государственные работники и работники вельмож⁴⁷. Однако неясно, состояло ли общество только из начальников-вельмож, царских приближенных, чиновников и царских слуг, с одной стороны, и подневольных работников, лишенных собственного хозяйства и получающих пайки, – с другой, или, помимо них, было еще и свободное трудовое население (крестьяне и ремесленники).

Подневольных работников объединяли в специальные рабочие отряды и перебрасывали туда, где требовался их труд (см.: Виноградов 2000б: 157). Это весьма напоминает практику другого общества – шумерского, о котором мы уже говорили, – Южной Месопотамии времен III династии Ура (конец III тыс. до н. э.). Однако в Шумере, помимо работников царского хозяйства, были в значительном числе и самостоятельные хозяева (Дьяконов 2000в: 64). Поэтому очень вероятно, что такие крестьяне были и в Египте, возможно даже, они составляли большинство населения⁴⁸. Но о них нет ясных свидетельств.

Проблема в том, что важнейшими сведениями о социально-экономических отношениях в Египте того времени являются рисунки и надписи, сделанные в гробницах древнеегипетских вельмож⁴⁹. По тогдашним поверьям, такие изображения позволяли покойнику в другом мире иметь то, что он имел в этом. Но естественно, на рисунках оказывались прежде всего непосредственно зависимые от вельможи, а не свободные люди. Ведь сооружение гробницы было очень дорогим делом и рисовали только самое важное в отношении покойника. Да и зачем изображать для потустороннего мира тех, кто и в этом прямо не зависел от сановника? Но как бы там ни было, раз очевидных свидетельств о самостоятельных крестьянах и ремесленниках нет, значит, нельзя и уверенно говорить об их существовании.

Что же касается правящего слоя, то важнейшую его часть составляли вельможи. Но не очень ясна система социального воспроизводства этой группы. С одной стороны, вроде бы есть указания на наследственный характер этих должностей, с другой – они сами хвалятся тем, что поднялись по социальной лестнице. В некоторые периоды центр легко перемещал областных начальников с места на место (Васильев 1993: 101). Вероятно, их назначал или утверждал фараон, но вполне возможно, что выбор его не всегда был свободен, а исходил из преимущественного права на должность наследника умершего вельможи (см.: Виноградов 2000б: 158–159). Таким образом, с одной стороны, вельможи являлись обычными назначенцами, но с другой – людьми, которые имеют вполне определенные права на свои должности. Они владели и собственным имуществом, которое состояло частью из наследственных, частью из полученных за службу земель и пожалований. Но в качестве наместников они в то же время распоряжались и собственностью фараона (см. об этом, например: Перепелкин 1988: 28. Однако и по этим моментам есть много точек зрения).

(332 до н. э. – 395 н. э.). Затем Египет перешел под власть Византии. В 619 г. его захватили персы, а вслед за ними – арабы.

⁴⁷ Хозяйства вельмож специалисты часто сравнивают с феодально-крепостническими (см.: Васильев 1993: 102). Были еще и хозяйства храмов, но они оформились как самостоятельные и стали играть заметную роль только в конце периода Древнего царства (см.: Савельева 1992: 3, 124).

⁴⁸ Предположения о существовании многочисленных мелких хозяйств делает, например, Перепелкин (2001: 115–116). А Кузицин пишет вполне определенно, что в Египте Древнего царства наряду с работниками крупных хозяйств (*мерет* или *хемму*) существовали и царские люди, общинники (*нисутиу* или *хентиуше*), то есть свободные и самостоятельные хозяева-крестьяне и ремесленники, которые платили подати в казну и выполняли повинности (Кузицин 1988: 33). Однако наличие самостоятельных работников не означает, что они непременно должны быть общинниками. Об общинах в Египте нет никаких упоминаний, и многие ученые считают, что община исчезла там очень рано, если вообще когда-то была.

⁴⁹ См. об этом, например: Перепелкин 1988, особенно введение.

2.2. Достижения Египта Древнего царства. Роль ранней централизации

Достижения фараонов Египта Древнего царства общеизвестны. Достаточно напомнить о великих пирамидах и ирригационных сооружениях. Но наша задача – показать, в чем государство опережало египетское общество. Конечно, из-за недостатка сведений о его социальном строе сделать это возможно лишь в виде общих заключений. Однако отсутствие конкретики частично компенсируется тем, что главным в плане такого опережения является вполне бесспорный и ясный момент, а именно: **Египет был первым в истории человечества централизованным государством с сильной царской властью, которое к тому же возникло сравнительно очень быстро, а существовало очень долго.** Эпоха мелких государств была здесь в несколько раз короче, чем в Месопотамии. Иными словами, это фактически означает, что общество еще не успело созреть, как попало под воздействие родившегося «левиафана». Соответственно сила влияния государства здесь оказалась выше, чем в других местах. Этому, конечно, способствовали и природные условия⁵⁰.

Более конкретно о влиянии государства на общество следует сказать следующее.

Во-первых, производительные силы, особенно в плане техники, оставались слабыми, хотя урожайность, благодаря плодородию земли, была высокой. Металлов еще не было, кроме мало используемой меди. Поэтому именно власть в первую очередь способствовала хозяйственному подъему, организовывала производство в крупных размерах, используя в том числе переброску рабочей силы. Также не было крупной торговли, а ремесленники в основном обслуживали государство и знать. Перераспределение в масштабах страны, так же как в империи Инков, осуществлялось государством. Оно же во многом определяло и развитие культуры общества. А роль жречества была еще слаба по сравнению с будущими эпохами⁵¹.

Во-вторых, централизация не просто сильно повлияла на социальную структуру, но в значительной мере создавала и меняла эту структуру. В Египте уже в это время слой чиновников был очень влиятельным. Центральная власть имела сильный административный аппарат, который не позволял никому чувствовать себя свободным от государства. В этом, конечно, была и слабость системы, поскольку при ослаблении центра социальная структура начинала сильно меняться, усугубляя кризис.

В-третьих, все население Египта, за небольшим исключением, так или иначе служило государству или должно было выполнять для него повинности, которые накладывались также на вельможные и храмовые хозяйства (Кузицин 1988а: 33). Именно поэтому центральная власть могла аккумулировать огромное количество продукции и труда, концентрировать усилия всего общества. Однако повинности для подданных порой оказывались слишком тяжелыми. И не случайно, что эпоха великих пирамид закончилась достаточно быстро, а затем царские усыпальницы уменьшились в размерах (Петровский 1956: 25). Для Древнего Египта на протяжении всей его истории было характерно гипертрофированное развитие государственного экономического сектора, а периодами – его абсолютное господство (Стучевский 2004: 163; Грантовский 2004а: 42). Но все же период Древнего царства с его рабочими отрядами, кажется, занимает в этом отношении особое место. Египет, как, может быть, ни одна другая цивилизация, демонстрирует, какую важную роль играет государственное хозяйство «в эволюции как самого государства, так

⁵⁰ Египет – этот истинный дар Нила – был, собственно, узкой полосой земли шириной 5–20 км, вытянувшейся на многие сотни километров вдоль его берегов. Таким образом, Нил оказался той естественной магистралью, с помощью которой страна была объединена и которая позволяла центру быстро перебросить войска и ресурсы в нужный район. То, что инки создали с огромным трудом – общеимперские дороги, здесь было сделано самой природой. Кроме того, за речной долиной начиналась пустыня, поэтому убежать или переселиться за границы страны было невозможно.

⁵¹ Не случайно не сохранились храмы этого периода, кроме заупокойных при гробницах фараонов (см.: Коростовцев 2000: 223).

и общества, которое, в свою очередь, испытывает на себе нередко во многих отношениях определяющее воздействие государственного хозяйства, нередко вызывающее глубокие перемены в хозяйственном и даже социальном строе общества и отражающееся на его духовной жизни» (Петрушевский 2003: 86).

В-четвертых, конечно, надо отметить раннюю и мощную идеологию обожествления царя (и при жизни, и после смерти), причем – в отличие от месопотамской идеологии – не столько личности земного царя, сколько его власти и сана, аналогичных сану верховного божества (Ладынин 2005: 63–64; см. также: Зубов, Зубова 2004; Янков 1997)⁵².

2.3. Некоторые слабости Египетского государства

Показать эти слабости важно уже из-за существования своего рода оптического обмана. Дело в том, что представления о порядках в Египте более поздних эпох неоправданно распространяют и на Древнее царство, хотя по сравнению со Средним и тем более Новым царством организация государства еще оставляла желать лучшего. Иными словами, различия между этими периодами весьма велики (примерно как между Великим Московским княжеством XV–XVI и Российской империей XVIII–XIX вв.).

• Административно-территориальное деление и неполнота централизации

Административно Египет делился на несколько десятков областей-*номов*. Эти области сначала были самостоятельными. В результате процесса их объединения в IV тыс. до н. э. возникло два крупных государства: Южное (Верхнее, или Долина Нила) и Северное (Нижнее, или Дельта Нила). В течение сотен лет они боролись друг с другом за гегемонию. Наконец, около 3000 г. до н. э. легендарный царь Южного Египта Мина (Менес) объединил всю страну и короновался двумя коронами⁵³. Наступила эпоха Раннего царства, которая длилась 200 лет, то есть до 2800 г. до н. э.

Таким образом, централизация в Египте началась задолго до Древнего царства⁵⁴. А поскольку оно само просуществовало сотни лет, значит, период централизации в целом до распада Египта в XXIII в. до н. э. длился не менее тысячи лет.

Однако, несмотря на такой огромный период, границы прежних мелких государств-*номов* не стали чисто административными рубежами (см.: Брестед, Тураев 2003: 79). Нет, они по-прежнему отделяли области, помнящие о былой самостоятельности. А в пределах *номов* социальные, имущественные, религиозные и иные отношения продолжали находиться под сильным влиянием местных социально-политических традиций⁵⁵.

При завершённой централизации могут быть мятежи в отдельных провинциях и расколы, но страна даже при ослаблении центральной власти не рассыпается на множество мелких государств по границам тысячелетней давности. Следовательно, централизация в Египте III тыс. до н. э. не была достаточно полной.

Наибольшее могущество Древнее царство достигло при фараонах IV династии (Снофру, Хеопсе [Хуфу], Хафре [Хефрене])⁵⁶. Этот период длился немногим более ста лет. Затем начинается постепенное ослабление царской власти (конец IV, V, VI дина-

⁵² В Месопотамии «роль личности» в сакральном статусе была гораздо выше, но царей там обожествляли редко, они представляли как герои или посредники между людьми и богами (см.: Немировский 2005: 111; Грантовский 2004а: 39).

⁵³ По поводу имени объединителя (равно как и по поводу датировок) идут большие споры. Иногда таковыми называют Нармера, иногда других фараонов. Есть также отдельные мнения, что между Ранним и Древним царствами (где-то в XXIX в. до н. э.) также был период распада государства (см.: Заблоцка 1989: 132).

⁵⁴ Правда, некоторые считают тезис о такой централизации сильно преувеличенным (например: Прусаков 1999: 63–67; 2001).

⁵⁵ Даже тысячи лет спустя после Древнего царства каждый *ном* имел свое название, столицу, святилища, особых богов, особые титулы служителей культа, свои запреты и табу и т. п. (см. подробнее: Жак 1992: 45, 99).

⁵⁶ Всего до распада Древнего царства было шесть общегосударственных династий (две в Раннем царстве и четыре в Древнем). Древнее царство начинается с III династии и заканчивается VI. И еще несколько династий (VII–XI) приходится на период первого распада Египта. Считается, что период Среднего царства начинается в эпоху правления царей XI династии.

сти). Пришло «время незримой, но длительной и упорной борьбы усилившейся номовой администрации против чрезмерного засилья центральной власти за свою политическую и экономическую автономию» (Виноградов 2000б: 163), которая и заканчивается полным распадом государства на номы.

Следует отметить и то, что организация власти на местах была в основном в руках вельмож-наместников, которые для этого имели свой личный (то есть не царский) аппарат писцов, служащих и даже заупокойных жрецов (см.: Перепёлкин 2001: 94). Возможно, царь, отписывая вельможе какие-то имения, уже не вникал в структуру местного управления. А вельможа сам организовывал на эти средства аппарат и все необходимое. В любом случае местные чиновники зависели в первую очередь не от фараона, а от местного губернатора (см.: Брестед, Тураев 2003: 83).

• Слабость военной организации

Как это ни покажется странным, в Древнем царстве постоянной армии не было (Брестед, Тураев 2003: 84; Жак 1992: 97)⁵⁷, хотя изначально все же какое-то постоянное войско, по-видимому, имелось (см.: Перепёлкин 2001: 58). Но после объединения Египта (примерно 3000 г. до н. э.) и подавления мятежей в Дельте (Нижнем Египте) надобность в нем отпала. Армия стала ненужной, поскольку центр добился мира в стране, внешние враги отсутствовали, а привлекательных для завоевания соседей было немного. Возможно, это объясняет, почему в Египте не сложилась традиции героического эпоса (см.: Ладьянин 2005: 67). Египет Древнего царства – одно из редких ранних государств, которое вело мало войн⁵⁸. Правительство, однако, нашло на что потратить силы народа: на строительство пирамид и памятников.

При необходимости местные правители собирали ополчение, то есть военная сила фактически была в руках у них. Это также указывает на недостаточную централизацию. Отсутствие постоянной армии означает и слабое развитие военного дела, что в целом делает государство менее развитым. Отметим, что в развитом государстве непременно должна быть постоянная армия, или иметься военное сословие, или быть и то и другое.

3. Старовавилонское царство (государство Хаммурапи и его преемников в месопотамии XVIII–XVII вв. до н. э.)

3.1. Достижения

Когда бюрократическое государство III династии города Ура в конце XXI в. до н. э. распалось под ударами кочевников амореев, начался так называемый старовавилонский период истории Месопотамии⁵⁹. После столетней междоусобицы возникла новая империя – государство Хаммурапи (XVIII–XVII вв. до н. э.).

Это было достаточно продвинутое государство, с упорядоченной и строго централизованной административной системой, с мощным перераспределительным аппаратом и писаным правом⁶⁰. Оно просуществовало почти двести лет, хотя постепенно слабело, теряло территории и позиции, пока не пало под ударами хеттов и касситов.

Исследователи отмечают, что в государстве Хаммурапи уже сложились структуры, которые в дальнейшем будут воспроизводиться во многих государствах Востока (Васильев 1993: 91–92), что в нем царская власть впервые не ограничивается никакими политическими органами (Дьяконов 1983: 370).

⁵⁷ Такая армия появляется позже, только в Среднем царстве.

⁵⁸ Кстати сказать, военная активность царей III династии Ура также была невелика, они больше предпочитали торговую экспансию (см.: Емельянов 2003: 86–87). Быть может, такая чрезмерная бюрократизация в какой-то мере объяснялась именно свободой власти от войн. Иначе сил просто не хватает. И если бы в Древнем царстве велись постоянные войны, то, может быть, средств на грандиозные пирамиды не хватило бы. Только много позже, в Новом царстве, Египет все же становится военной империей.

⁵⁹ Нововавилонский период начался через тысячу лет с возрождением могущества Вавилона.

⁶⁰ Последний момент является наиболее известным, хотя кодекс Хаммурапи не был первым в Междуречье.

Стоит отметить также, что в отличие от своих предшественников – царей III династии Ура – Хаммурапи меньше использовал рабочие отряды в царских хозяйствах. А земля раздавалась непосредственным производителям. В Месопотамии этого времени гораздо выше, чем в Египте Древнего царства и тем более чем у инков, были развиты товарно-денежные и арендные отношения, а государство придавало их регулированию (правовому и социальному), а также организации торговли очень серьезное значение⁶¹.

3.2. В чем государство опережало развитие общества. Некоторые слабости государства Хаммурапи

«Если учесть необычайную сложность политико-этнической обстановки в Месопотамии начала II тыс. до н. э., то покажется *поразительным огромным скачком*, который проделало Вавилонское царство после того, как в 1792 г. до н. э. к власти пришел Хаммурапи» (Заблоцка 1989: 215 [курсив мой. – Л. Г.]). Это так, но скачком не решишь всех проблем, и общество продолжало отставать от изменений в государстве. В сравнении с уже более или менее зрелой государственной формой оно кажется недоразвитым.

Одной из главных причин такой неадекватности являлась слабая этническая консолидация. Главная идентификация человека определялась не по его причастности к этносу, а по принадлежности к тому или иному городу или ному. Каждая область (город, ном) поклонялись собственным богам в особых храмах. К этому следует добавить наличие множества племен разного уровня развития, так что не было даже четкого разделения населения на оседлое и кочевое⁶². Поэтому говорить об этническом самосознании жителей шумерских городов как о чем-то ясном не приходится⁶³.

Все же для *раннего* государства этническую базу в виде родственных языков, сходных обычаев, близкой культуры и религии еще можно считать адекватной. Однако дальше население должно было консолидироваться в более сплоченную общность. Но в Междуречье процесс пошел в ином направлении: возникло двуязычие (шумерский и аккадский языки были государственными), а население стало постоянно разбавляться все новыми этническими элементами. В результате в этнической сфере (в отличие от сферы политической власти) никакой решающей концентрации достигнуть не удалось. «Неудивительно, что уже во времена Хаммурапи шумерский этнос полностью растворился в соседних, оставив по себе только язык и достижения культуры (прежде всего письменность)» (Емельянов 2003: 89). Шумерский этнос исчез, но это не означало какой-то этнической консолидации. Многоплеменность оставалась реальностью и при Хаммурапи и его преемниках, и тысячу лет спустя в Новоавилонском царстве (см., например: Дандамаев 2004: 60–61)⁶⁴. Это было одной из главных причин, по которой в Месопотамии не возникло сложившееся государство. Ведь для перехода к последнему требовалась этническая консолидация.

Несмотря на кажущуюся крепость государства Хаммурапи, в нем имелись серьезные слабости. Это подтверждается уже тем фактом, что административные реформы этого царя не имели долговременного успеха (Козырева 2000: 92), а «объединение продержалось в своем полном объеме в течение всего одного поколения» (Дьяконов 1983: 364). К тому же и экономические интересы разных частей Вавилонии были различны (Козырева 2000: 91–92).

⁶¹ В целом это государство стояло выше, чем рассмотренные ранее. И его можно считать *неполным аналогом* развитого государства.

⁶² «Существовало множество переходных ступеней от одного состояния к другому, и в каждом племени были представлены все или многие варианты такого рода» (Козырева 2000: 83).

⁶³ Шумеры даже не имели самоназвания, а именовали себя и семитов-аккадцев черноголовыми.

⁶⁴ В некоторых отношениях этническая пестрота, вероятно, даже усилилась. Недаром именно Вавилон в Библии (Вавилон, конечно, уже Новой Вавилонии, а не периода Хаммурапи) представлен как смешение языков (и не только из-за множества купцов). Там жили переселенные народы (евреи и другие), да и сам этнический состав оставался пестрым. Особенно много было египтян, а также персов, мидийцев и т. д.

После распада государства III династии Ура и до объединения Междуречья Хаммурапи эта территория оставалась конгломератом небольших политических и племенных объединений с центральным городом и местными династиями. Города постоянно соперничали и воевали друг с другом. Заключались бесчисленные союзы, одни династии приходили в упадок, другие возвышались. Хаммурапи и его преемники многое сделали для централизации. Но все же структурная база государства была слабой, некрепкой. Костяком его оставались крупные города с округой, которые по своему духу, однако, были местечковыми и самодостаточными, а потому неспособными к интеграции (так же как финикийские и греческие города). Даже административное деление на области при Хаммурапи, «вероятно, более или менее соответствовало бывшим царствам» (Дьяконов 1983: 366). Это весьма напоминает вышеописанное деление в Египте.

В результате и в социальном плане Междуречье оставалось слишком городской цивилизацией. В свое время путем синойкизма (сселения жителей из нескольких мелких поселений в одно) возникали шумерские храмовые города, в которых постепенно оказалось большинство населения. Однако с городами соседствовало внегородское оседлое и кочевое население, которое играло, используя выражение Тойнби, роль внутреннего (а иногда внешнего) пролетариата, то есть было источником беспокойства, а порой и кризисов. «Этот контраст между горожанами и жителями открытых пространств, характерный для общественного строя Месопотамии, был вечным источником конфликтов и сыграл фатальную роль в политическом развитии страны», поскольку приводил «к удивительному отсутствию политической стабильности в Месопотамии» (Оппенгейм 1990: 66, 67).

Приложение 2 **«Пороховые» империи Азии**

Административные новеллы «Пороховых империй» XVI в.

Термин «пороховые империи», впервые введенный М. Ходжсоном (Hodgson 1974), используется для обозначения государств, которые смогли образоваться и / или существенно расширить свою территорию, превратившись в подлинную консолидированную империю, за счет наличия армии, владеющей огнестрельным оружием (в первую очередь, мощной артиллерией). Традиционно к числу таких империй относят Османскую империю, персидскую державу Сефевидов, империю Великих Моголов в Индии; сюда может быть отнесено и Русское государство (McNeill 1993).

Османское государство было основано в 1299 г. предводителем одного из тюркских племен Османом I, по имени которого и было названо. Государство возникло «на основе» одного из бейликов, составлявших ранее Сельджукский султанат (подробнее см.: Орешкова 2012: 690–695). Благодаря активной территориальной экспансии Османское государство, ставшее империей после взятия Константинополя, превратилось в одну из крупнейших мировых держав, «начавшую играть первостепенную роль в международной политике. ... в мире ислама сформировался устойчивый имидж Османского государства как возрожденного восточного халифата, способного навести порядок в «стране полумесяца», установить справедливость и защитить от внешнего врага» (Иванов, Орешкова 1999: 67).

Значительная часть истории Индии XVI в. относится к эпохе Великих Моголов. Это государство, охватывавшее значительную территорию современной Индии, а также части Пакистана и Афганистана, было образовано в 1526 г. Захир ад-дином Бабуром, представителем среднеазиатской династии Тимуридов, и просуществовало (в различных гра-

ницах) почти до середины XVIII в. «Золотым веком» Могольской империи считается время правления падишаха Акбара, внука Бабура. Фундаментальные реформы раннего периода правления Великих Моголов затронули многие сферы жизни Индии: административную структуру и бюрократию, налогообложение, землевладение, денежную систему и т. д. Результатами этих нововведений стали: укрепление Могольской империи как государства (и ее территориальная экспансия), развитие сельского хозяйства и городов, ремесленного производства и торговли, рост численности населения и сохранявшийся при этом относительно высокий уровень жизни (даже в конце XVI в.).

На период примерно 1470-х – 1530-х гг. приходится первый этап активной внешней экспансии Московского государства, а именно завершение «собираания земель», процесс активной реинтеграции раздробленных северо-восточных русских княжеств, когда вокруг нового политического центра – Великого княжества Московского – стали объединяться Ярославское, Дмитровское, Ростовское, Новгородское, Тверское, Псковское, Смоленское и другие княжества, земли и области (Горский 2012: 696–714; Тихомиров 1962: 15–18). Во второй половине XV – начале XVI вв. Москва наконец сумела сплотить вокруг себя весь русский Северо-Восток. «К моменту своей кончины в 1505 г. Иван III был правителем суверенного Московского государства, охватывавшего большую часть других православных русских княжеств, и наследником византийских императоров. На долгое правление Ивана III пришлось два важных периода истории Московии: объединение русских православных земель в рамках единой суверенной политики и территориальная экспансия в соседние земли, населенные нехристианами» (Khodarkovsky 2006: 317). В целом за период 1462–1533 гг. Великое княжество Московское, ставшее Русским государством, выросло примерно втрое как по территории, так и по численности населения (Ostrowski 2006: 213). Благодаря присоединению новых территорий и активной интеграции их ресурсов к середине XVI в. Русское государство начинает претендовать на лидерство в своем окружении.

Среди отличительных черт, объединяющих все «пороховые империи», на наш взгляд, можно выделить следующие:

- наличие постоянной армии, владеющей огнестрельным оружием;
- введение единой унифицированной системы внутреннего территориального деления, проведение земельных кадастров и переписей земельных ресурсов;
- создание структурированной системы институтов государственного управления и четкой иерархии управленческих должностей;
- создание собственного кодифицированного законодательства (в Османской империи и Русском государстве).

Устройство армии

Основной новеллой «пороховых империй» в военной сфере, обусловившей их образование, является формирование постоянных подразделений, ведущих боевые действия с применением огнестрельного оружия, что вполне укладывается в общую канву соответствующих этапов военной революции.

Пример создания первой в мире массовой армии, владеющей и вооруженной огнестрельным оружием, мы находим в истории Османской империи. Именно это достижение обусловило столь выдающиеся успехи ее завоевательной политики (Нефедов 2008: 581). Ядро регулярной армии составлял корпус янычар (уже в начале XVI в. достигший 12 тыс. человек). Принцип принудительного набора христианских юношей в янычарский корпус «рабов султана» историки называют прообразом регулярной армии на основе рекрутского набора. Корпус янычар оснащался по последнему слову военной техники, а строгая дисциплина, помимо контроля командиров, поддерживалась правилами особого суфийского ордена (Уваров 2013: 26).

Важным обстоятельством, позволившим османам опередить европейцев, было создание наряду с регулярной армией массовой армии пехотинцев, вооруженных огнестрельным оружием. В европейских странах власть принадлежала рыцарской аристократии, которая боялась доверить новое оружие простоллюдинам, в особенности после гуситских войн (Нефедов 2008: 578; McNeill 1982: 135). Ярким примером служит крестовый поход 1444 г., когда венгерские, немецкие и польские рыцари взяли с собой лишь 300 чешских пехотинцев и в итоге потерпели жестокое поражение под Варной. Напротив, в Османской империи помимо регулярного корпуса янычар с началом войны объявлялся всеобщий набор пехотинцев – *азебов*: «во время похода эти воины получали жалование, а после окончания военной кампании отправлялись по домам. Согласно кодексу Баязида II (1481–1515 гг.) каждые 20 дворов должны были выставить одного азеба ... Численность азебов, естественно, менялась от похода к походу, в одних случаях набирали больше солдат, в других – меньше; в 1473 г. в армии было 20 тыс. азебов. Таким образом, основная масса пехотинцев представляла собой народное ополчение, созывавшееся на основе всеобщей воинской повинности, – способ, принципиально недопустимый для европейских феодальных государств. Нужно отметить также, что в походе новая армия находилась на централизованном снабжении; грабежи населения на завоеванных территориях запрещались» (Нефедов 2008: 579–580).

К концу царствования Сулеймана регулярные войска насчитывали 48 тыс. человек – в два раза больше, чем при его вступлении на престол. Конное ополчение достигало 130 тыс. всадников; из них 80 тыс. давали Румелия, 50 тыс. – азиатские владения. Вместе с нерегулярными частями численность армии составляла 250 тыс. чел. «В конце XVI в. венецианские консулы отмечали, что никакой другой государь, кроме султана, не мог иметь *такой* большой армии. Один венецианский консул писал, что на ее содержание требуется 25 млн дукатов в год. Такой суммой не располагал ни один государь Европы. Между тем благодаря военно-ленной системе⁶⁵ содержание подавляющей части армии не стоило султану ничего» (Новичев 1963: 100–101).

Существенным было также то обстоятельство, что если на Западе производство пушек было частным делом, то в Османской империи – делом государства, имевшего достаточные финансовые средства, чтобы строить большие литейни и арсеналы. Поэтому турецкие осадные орудия были намного мощнее европейских и их производилось намного больше, чем в любом отдельно взятом европейском государстве (Нефедов 2008: 579).

Сходные процессы, связанные с созданием массовых армий, вооруженных огнестрельным оружием, происходили и в других «пороховых империях». Так, в начале XVI в. на Руси появляются отряды пищальников, свидетельствующие о зарождении элементов постоянной армии; к середине XVI в. закладываются основы постоянного стрелцкого войска. Его появление чаще всего датируют 1550 г.: с этого времени вводится новый регулярный налог на содержание этого войска, т. н. «пищальные деньги». Именно стрелцкое войско сыграло решающую роль, к примеру, в походах на Казань, продемонстрировав явное преимущество над дворянской конницей (Зимин 1960: 345–348). Регулярное войско Ивана Грозного насчитывало порядка 100 тыс. чел.: из них 12 тыс. стрельцов и примерно 85 тыс. дворянской кавалерии (из которых около 25 тыс. составляли сами дворяне, а остальную часть – их «люди») (Зимин 1960: 446–447; Hellie 2006: 383). Приоритетной сферой использования западных специалистов в России с начала XVI столетия все более становится военная сфера, что «приводит к постепенному вытеснению итальянцев (фрязей – архитекторов, литейщиков, инженеров, дипломатов) и замене их разнообразными солдатами и офицерами – выходцами из Германии, Австрии, Шотландии, Англии, Испании и других западноевропейских стран» (Черникова 2012: 113; 93–137).

⁶⁵ О ней см. подробнее ниже.

Однако при этом в отличие от западноевропейских государств, в частности Литвы, через посредничество Золотой Орды Россия Ивана III и Василия III была знакома с механизмами функционирования имперской администрации в исламском мире и Османской империи, что выразилось в перенятии военно-ленной системы (см. ниже).

Сходная ситуация сложилась и в Могольской империи, где повышение эффективности системы налогообложения и рост государственных доходов позволили падишаху Акбару содержать весьма многочисленную армию: его личная гвардия составляла 25–45 тыс. чел.; армия на марше включала, по разным оценкам, до 250–300 тыс. чел., а также 50 тыс. лошадей и волов (Raychaudhuri, Habib, Kumar 1982: 172; Алаев 2003: 167). Основатель могольской династии Бабур был знаком с новыми технологиями «артиллерийской революции»; более того, он нанял османских специалистов, которые ознакомили его со стандартной османской стратегией и тактикой ведения боя с участием артиллерии и пехотинцев с огнестрельным оружием, защищенных повозками в центре и конными лучниками с флангов. Именно это построение Бабур использовал в первых своих битвах, добавив к традиционной кавалерии боевых слонов (Streusand 2011: 255).

Следует отметить еще один момент, типичный для всех «пороховых империй»: стремясь сконцентрировать всю оружейную (в особенности артиллерийскую) мощь, Моголы позволяли мелким раджам иметь свои небольшие (до нескольких сот человек) вооруженные силы, состоящие преимущественно из пехотинцев; большинство местных аристократов не могли позволить себе лошадей или слонов, не говоря уже о больших количествах огнестрельного оружия и чрезвычайно дорогих артиллерийских орудиях; к тому же сами моголы всячески препятствовали попаданию такого рода оружия в руки местных властителей (см., например: Richards 1995: 80). Это вело к централизации власти, в том числе к концентрации принуждения на уровне верховной власти.

Содержание армии: военно-ленная система

Отличительной чертой «пороховых империй», в значительной степени содействовавшей их появлению, являлась особая система феодальных отношений – т. н. «военно-ленная система», унаследованная от Аббасидского халифата (и развившаяся в более поздних исламских государствах), где она носила название *икта*. В основе этой системы лежало пожалование земельных участков воинам, несущим службу, для обеспечения их содержания; к леннику-землевладельцу переходило право сбора ряда податей и повинностей с населения его участка. Наследовать такой участок можно было лишь при условии, что кто-то из мужчин семьи будет состоять на службе; его нельзя было заложить, продать или передать в дар (Нефедов 2002в: 31–32; Кобрин 1985: 134). Эти ограничения были связаны с необходимостью предоставлять источник постоянного содержания всем состоящим на службе дворянам. Таким образом, в этой системе постепенно складывалась новая военно-служилая знать. Во всей Европе не было ничего похожего; в то же время четырех рассматриваемых нами «пороховых империях» эта система лежала в основе комплектования массовой армии и содержания военно-служилой знати.

В Османской империи основой содержания войска служила система *икта*. Эта система оказывается на удивление схожей с системой раздачи поместий военно-служилому дворянству, введенной на Руси при Иване III (по всей видимости, перенявшем идею у османов через чингизидов или татар) (Нефедов 2002в: 31–32; Ostrowski 1992: 327–359). Получатели поместий составляли основу войска. В правление Василия III поместье стало ведущим типом светского землевладения, при нем же на регулярных смотрах определялось качество службы каждого дворянина и нормировались размеры поместий (Назаров и др. 2013: 274). Был установлен единообразный порядок несения военной службы: каждый служилый человек, будь то вотчинник или помещик, помимо личного участия на военной службе был обязан выставлять вооруженных воинов (из числа его «людей») из

расчета со 100 четвертей «доброй» земли в одном поле – один конный воин в полном вооружении. Если сам помещик не служил, то он платил деньги в соответствии с числом людей, которых должен был выставлять со своей земли. За выступление в военный поход с большим числом людей, чем предписывалось согласно Уложению, полагалась компенсация; за «недодачу» воинов помещик / вотчинник платил штраф. Таким образом, воинская обязанность оказалась пропорциональной размерам землевладения. Тогда же была введена строгая регламентация жалования военно-служилого дворянства и их «людей». В этом прослеживается прямая связь с отменой «кормлений»: военно-служилый человек получал компенсацию не «кормлением», а жалованием из казны за военную службу (Зимин 1960: 446–447).

В Могольской империи Великий Могол являлся верховным собственником всей земли империи, однако доход на содержание личной гвардии и двора падишах получал лишь с небольшой части этих земель, основная же их масса раздавалась служилой знати в качестве пожалований – *джагиров*. Владелец – джагирдар – получал долю государственного земельного налога с джагира, а также мог собирать некоторые дополнительные налоги в свою пользу; взамен он был обязан содержать отряд наемной конницы, размер которой определялся размером джагира. Интересно, что если в Османской империи и на Руси владение могло сохраняться, пока кто-либо из мужчин семьи состоял на службе, то Великие Моголы часто перемещали джагирдаров из одного владения в другое, опасаясь их сепаратистских устремлений; тенденция к перерождению джагира в наследственное владение заметна лишь в XVII–XVIII вв. (Антонова 1952).

Территориальное деление и составление земельных кадастров

Деление государства на бейлики – княжества – присутствовало еще в Сельджукском султанате, из которого «выросла» Османская империя. Однако изменившийся масштаб управляемых территорий потребовал более сложного административного деления, с большим числом иерархических уровней. Уже в конце XIV в. страна была разделена на два крупных наместничества – бейлербейства: Анатолийское (Малая Азия) и Румелийское (европейские владения), к которым вскоре добавилось третье – Румское. К 1520 г. бейлербейств было 6, а к 1610 – уже 32 (с 1590 г. они стали именоваться эйалетами) Каждое бейлербейство было разделено на санджаки (уезды), а те, в свою очередь, на волости (нахии). Города, в зависимости от размера и значения, могли находиться в подчинении любого из этих трех уровней (Иванов, Орешкова 1999: 77–78; Орешкова 2013: 331). Параллельно с этой территориальной системой существовала экстратерриториальная – система миллетов, автономных религиозно-политических образований иноверческого населения со значительными правами внутреннего самоуправления. В XVI–XVII вв. было три миллета, управление которыми находилось в руках духовенства: *рум миллет* (византийский миллет, объединявший все православное население империи), *яхуди миллет* (еврейский миллет) и *эрмени миллет* (армянский миллет) (Орешкова 2013: 328).

Первое сплошное описание земель Русского централизованного государства было составлено в 1497/98–1504 гг.; две его основные цели – зафиксировать социальную принадлежность селений и ввести на территории всей страны одноименную окладную единицу – соху⁶⁶. Вторая перепись была проведена в конце 1530-х – начале 1540-х гг.; в ее задачи входило отражение факта испомещения служилых людей. Наконец, третья генеральная перепись датируется концом 1550-х–1560-ми гг.; ее начало принято связывать с работой Стоглавого собора 1551 г. Инновационный характер этой переписи состоял в том, что землю предполагалось не только описать, но и измерить – в первую очередь,

⁶⁶ Соха не являлась метрикой площади земли; ее единицей были один или несколько крестьянских дворов либо селение.

для решения задачи обеспечения служилых людей землей; при этом применялась нормированная единица измерения (большая нормированная соха), а пашни измерялись у всех групп землевладельцев (включая вотчины, ранее не подлежавшие переписям). Главным итогом реформы становится переход от описания земель к их учету во всех видах социальных владений; появляется новый вид кадастров; правительство берет под свой контроль не только пахотные земли, но все угодья – луга, леса и т. д. (Колычева 1987: 15–24).

В империи Великих Моголов чрезвычайно важной реформой также стало проведение кадастра земель – измерение размеров и производительности каждого участка земли, использовавшейся в сельском хозяйстве. Правительству полагалась треть урожая, «которая должна была уплачиваться по выбору налогоплательщика либо в натуре, либо в деньгах» (Алаев 2003: 194). Первоначально Акбар применил довольно примитивную систему откупов: в 1572 г. он разделил Империю на 182 налоговых округа, каждый из которых должен был приносить в казну по 10 млн монет. Откупщики вносили в казну эту сумму и получали право собирать налоги с округа в течение трех лет, что приводило к массовым поборам сверх нормы, вымогательству и разорению земледельцев. Однако опыт этого периода не прошел даром. Как отмечает Л. Б. Алаев: «время было использовано для подготовки такой системы, которая давала бы большую отдачу, но оставляла возможности для экономического развития. В течение 10 лет собирались данные об урожайности различных культур во всех провинциях и районах, где это было возможно. Была определена средняя урожайность за эти года. Одновременно фиксировались цены на базарах и определялась средняя цена единицы продукта. Затем треть урожая была выражена в деньгах по средней цене и эта сумма накладывалась на каждый участок. Земельные участки классифицировались по степени их вовлеченности в земледелие и по качеству почвы. Непрерывно обрабатываемые участки несли более высокий налог. Меньше брали с тех участков, которые до этого находились под паром год-два или три-четыре года. Каждый из этих видов земли подразделялся на три категории – почвы хорошие, средние и плохие. Имелся еще четвертый вид земельных участков – не обрабатываемые в течение 5 и более лет, ставки с которых были наименьшими. Такая градация объяснялась тем, что в Индии заброшенная земля очень быстро зарастает не только травой, но и кустарником, и введение ее в оборот требует дополнительных усилий» (Алаев 2003: 168).

Эта система была введена только в наиболее развитых областях: в бассейнах Инда и Ганга, а также в Раджпутане, Малве, Гуджарате. На окраинах империи сохранялись более примитивные системы. Тем не менее реформа позволила существенно упорядочить и повысить собираемость налогов, необходимых для финансового обеспечения политики «пороховой империи».

Структурированная система государственного управления

Управление столь огромными – и по территории, и по численности населения – империями требовало существенного обновления административного строя. Важные преобразования в этой области, направленные на создание структурированной системы институтов государственного управления и четкой иерархии управленческих должностей, наблюдаются у всех «пороховых империй».

Политические структуры Османской империи исходили из принципов коллективного руководства. На высшем уровне этот принцип отражался в том, что свои полномочия султан осуществлял совместно с имперским советом (*диван-и хумаюн*), состоявшим из высшего духовенства и крупнейших военачальников. Первые места в нем занимали «четыре столпа государства» – руководители четырех основных правительственных органов, а именно великий везир, кадиаскер, дефтердар и нишанджи (Иванов, Орешкова 1999: 77; Новичев 1963: 65). Великий везир считался заместителем султана, своего рода премьер-министром; он являлся главой военно-политической власти, ему подчинялись

везиры – главы остальных трех названных управлений, а также на уровне эялета – *бей-лербеи*; им, в свою очередь – *санджакбеи* и *субаши* (воеводы). Великий везир ведал вопросами должностных назначений в масштабах страны и продления полномочий (кроме богословского сословия); серьезное место среди его обязанностей отводилось также инспекциям торговых рядов, рынков, ремесленных мастерских и цехов (Новичев 1963: 65–66; Ипширли 2006: 126–127).

Гражданское управление состояло в ведении кадиаскера⁶⁷ (главного войскового судьи). Необходимо пояснить, что деятельность кадиаскера и всей вертикали власти в этом управлении распространялась не только на войско, но и на всех мусульман, поскольку они считались «воинами за веру». Управление кадиаскера ведало юстицией и просвещением, руководствуясь законами ислама; поэтому оно было одновременно и духовным ведомством, осуществляло контроль за хозяйственной деятельностью и соблюдением принципов шариата; в его же компетенции находились ре-лигиозный культ и благотворительность (Новичев 1963: 65–68). Управление главного дефтердара ведало финансами государства. Ему подчинялись дефтердары провинций, а им – дефтердары санджаков. В ведении дефтердаров и подчиненных им служб «находился весь огромный бюрократический аппарат, ведавший сбором, учетом и распределением материальных ресурсов государства» (Иванов, Орешкова 1999: 79–80). Наконец, управление нишанджи ведало изданием светских законов – канунов (от греческого слова «канон»), а также связями с другими государствами (Ипширли 2006: 133–135; Новичев 1963: 66).

При султанах Мехмеде II была установлена строгая система рангов как среди светских чиновников, так и среди духовенства; законом определялось, на какие посты может претендовать сановник того или иного ранга, какое содержание и какие знаки различия присвоены каждому посту, формулы обращения, порядок церемониального следования сановников друг за другом и пр. (Новичев 1963: 67). Придворный церемониал султана был в значительной степени кодифицирован по старым византийским образцам.

Значительные изменения в административном управлении происходят и на Руси, где начинает оформляться система приказов – органов центрального государственного управления, заведовавших отдельными родами государственных дел или отдельными территориальными областями. Изначально эти ведомства именовались избами. Так, в ходе реформирования армии оформились две избы: Поместная, ведавшая, за некоторыми исключениями, всем служилым землевладением в Московском государстве, раздачей поместий и вотчин, а также составлением писцовых и переписных книг, и Разрядная, распорядившаяся организацией дворянской военной службы. Зимин А. А. уподобляет реорганизацию Разрядной избы в постоянно действующий приказ появлению генерального штаба Русской армии (Зимин 1960: 454).

В ходе административных реформ 1555–1556 гг. была образована Стрелецкая изба, как центральный орган управления стрелецким войском и городскими казаками. Таким образом, в середине 1550-х гг. «в ходе реформ центрального аппарата власти стали явно вырисовываться очертания приказного управления. В документах «изба» становится уже нарицательным названием центрального правительственного учреждения... Вместе с тем новый аппарат был намного удобнее старого: развивающийся принцип функционального деления ведомств, постепенно заменяющий территориальный принцип, свидетельствовал о значительных успехах в централизации государственного управления» (Зимин 1960: 455). С 1560-х гг. избы начинают именоваться приказами; причем «то, что приказом впервые четко именуется дворец, не может считаться случайностью и показывает генетическую связь приказной системы с дворцовыми учреждениями» (Зимин 1960: 457). Система приказов расширяется, включая, помимо упомянутых,

⁶⁷ Изначально ведомство возглавлял один кадиаскер; в 1480 г. были образованы два управления кадиаскеров – анатолийского и румелийского; позднее к ним добавился кадиаскер Египта (Новичев 1963: 66).

Челобитный, Посольский, Пушкарский, Бронный, Разбойный, Печатный, Сокольничий и Земский приказы, а также некоторые территориальные органы управления – Казанский приказ, а также Галицкую, Устюжскую и Новые четверти.

В империи Великих Моголов падишах Акбар I Великий по сути создал новый административный строй империи (начало этому процессу было положено Шер-шахом⁶⁸). Опираясь на глав общин, он ввел в Северной Индии регулярное административное деление на парганы (небольшие округа), объединявшиеся в саркары (более крупные округа, возглавляемые военным администратором и гражданским чиновником), а те, в свою очередь, в провинции (при Акбаре их насчитывалось 15). Это позволило улучшить сбор налогов, поставив общины (и их глав) под более жесткий контроль фискального аппарата (Алаев 2003: 162–164).

Будучи наследниками индомусульманской политической традиции (сформировавшей лояльную высшую элиту и традиции кооперации с главами местных общин), Моголы находились в благоприятных условиях для политической централизации (подробнее см.: Richards 1995: 3). Высшие советники (чиновники) при падишахе были традиционными для мусульманских государств: первый министр, а также главы ведомств по налогам и финансам, военным вопросам, дворцовому хозяйству, религии и судебным вопросам. При каждом главе провинции имелись представители указанных четырех ведомств (фактически контролировавшие его).

Более того, централизации способствовала такая важнейшая инновация, как распространение (начиная с XI в.) бумаги и бумажного документооборота, облегчавшего стандартизацию управления, администрирование сложных многоуровневых общественных структур и контроль над ресурсами и чиновниками (Richards 1995: 3–4). В Могольской империи имела место основательная стандартизация управления: Акбар ввел табель о рангах, установив 33 ранга (чина); для военных десятичная структура ранжирования – от десяти-тысячника до десятника – была заимствована из монгольской традиции военной организации. Все служащие, даже выполнявшие исключительно гражданские функции, имели чины и получали жалованье согласно им⁶⁹ (Алаев 2003: 165–166; 195; Richards 1995: 24–25).

Создание собственного кодифицированного законодательства

Наиболее яркие примеры создания кодифицированного законодательства в «пороховых империях» можно найти в истории Османской империи и Русского государства.

Отличительной особенностью Османской империи была двойственная природа ее законодательства: суды руководствовались принципами шариата – общемусульманского права – и его толкованием, принятым ханифитской правовой школой; однако в то же время на основе султанских указов складывалась параллельная система *урфи*, то есть параллельная правовая система.

Наиболее активная законотворческая деятельность связана с двумя султанами – Мехмедом II Фатихом и Сулейманом I Кануни. Мехмед II впервые разработал кодекс законов Османской империи, который был призван упрочить власть правителя и юридически закрепить ее в завоеванных странах. С помощью своих законов он предпринял серьезную попытку регламентировать практически все сферы жизни общества: устанавливались, в частности, точные размеры податей и повинностей и меры против их превышения. В 1470-х гг. Мехмед приказал провести по всей стране проверку всех дефтеров и прав владения землями; многие проверяемые документы признавались недействитель-

⁶⁸ Шер-шах – восставший вассал Хумаюна (отца Акбара), подчинивший весь Бихар и Бенгалию и коронованный в качестве правителя Восточной Индии в 1539 г. (см.: Алаев 2003: 161–163).

⁶⁹ Чины были присвоены даже женам падишаха – для определения причитающегося им содержания (Алаев 2003: 166).

ными, и мульки и вакфы отписывались в казну. После этих массовых конфискации 90 % пахотных земель были отнесены к категории государственных земель (Нефедов 2008: 586; Inalcik 1973: 73–74).

В самой идее разработки кодекса можно усмотреть значительное византийское влияние: в Византии было принято составлять законодательные кодексы; самыми известными из них были кодекс Юстиниана и «Эпанагога». Как верно подчеркивает С. А. Нефедов, Мехмед II выступал в соответствии с «Эпанагогой» как «воплощение законности и общее благо всех подданных». Факт проведения земельной переписи в целях конфискации «незаконно» приобретенных владений, как и кодификация законов, не имел аналогов в мусульманской истории. Но подобный прецедент существовал в истории Византии: так поступил император Василий II, объявивший себя, так же как и Мехмед II, защитником бедняков от «сильных» (Нефедов 2008: 586).

Второй, еще более известный, кодекс связан с именем Сулеймана I, получившего прозвание Кануни – «законодатель»; время его правления считается периодом наивысшего расцвета Османской империи, ее «золотым веком».

«При нем не только была окончательно оформлена имперская государственная и общественная структура, но и установился тесный контакт между султанской властью и мусульманским духовенством. Принципиальные изменения, внесенные Сулейманом в законодательство, заключались в отмене особых привилегий и освобождения от налогов, которое распространялось в предшествующий период на довольно большие слои мусульманского населения. Это воины-крестьяне, подразделения которых были довольно значительными при первых османских правителях, наследники воинов племенных ополчений, не сумевшие получить тимары, некоторые группы кочевников. ... Большое внимание османские законы уделяли всеобщей регламентации жизни и доходов населения. Четко определялись доходы сипахи, торговцев, ремесленников, даже ростовщиков. Осуществлялось это с помощью кадиев, которые устанавливали цены на рынках почти на все продукты питания и товары широкого потребления. При этом учитывались сезон, транспортные расходы и даже возможная прибыль ремесленника, торговца или производителя сельскохозяйственной продукции, которая обычно не должна была превышать 10 %. Лишь в ремесле («которое очень трудно») разрешалась прибыль в 20 %. Этими же 20 % ограничивался ростовщический процент, который официально фиксировался в кадийских судах, хотя по Корану ростовщичество считалось недозволенным» (Орешкова 2013: 332).

В истории Русского государства, безусловно, следует обратить внимание на появление Судебника 1550 г., представлявшего собой первый в русской истории свод законов, провозглашенный единственным источником права. Из 99 статей нового Судебника 37 были совершенно новыми, а в остальных текст предыдущего кодекса 1497 г. был радикально переработан (Зимин 1960: 348). Судебник ограничивал роль наместников и усиливал роль как местного выборного управления, так и центральных государственных судебных органов (см. выше). Многие статьи посвящены судопроизводству в центральных ведомствах и направлены на ограничение судебной волокиты (ст. 7), борьбу с коррупцией (большие штрафы за неправосудные действия или «посулы» для дьяков, бояр и т. д.). В целях укрепления социальной базы центральной власти расширялись права служилого сословия. В частности, запрещался переход служилых людей в кабальное холопство, более детально регламентировались взаимоотношения между вотчинниками и зависимыми крестьянами, законодательно устанавливался Юрьев день (ст. 88). В Судебнике встречаются многочисленные следы роста дьяческого аппарата дворца, казны и Боярской думы, от которых начинают отпочковываться первые избы (см., например: Зимин 1960: 340–365; Hellie 2006: 376–386).